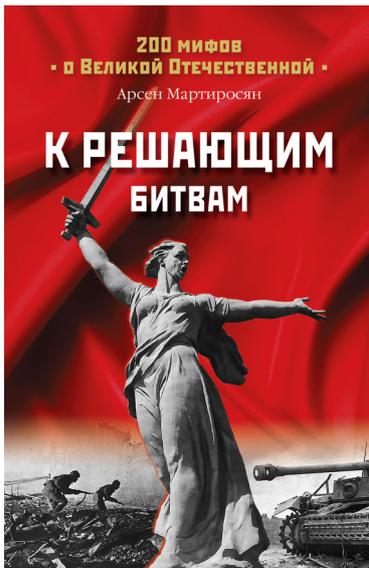

200 МИФОВ
• о Великой Отечественной •

Арсен Мартиросян

К РЕШАЮЩИМ БИТВАМ

Арсен Беникович Мартиросян
К решающим битвам
Серия «200 мифов о Великой Отечественной», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
К решающим битвам: Вече; Москва; 2008
ISBN 978-5-4444-1888-8, 978-5-4444-8058-8*

Аннотация

Успешное контрнаступление под Москвой в декабре 1941 г. шокировало весь мир, показав полный провал блицкрига. Однако в наступившем 1942 г. стране пришлось пережить еще немало трудностей, в том числе и трагических. Именно этот период войны подвергается особым клеветническим нападкам. Все это требует соответствующих историческим реалиям разъяснений. Ответы на эти и многие другие вопросы читатель найдет в третьем томе нового пятитомного проекта историка А. Б. Мартиросяна – «200 мифов о Великой Отечественной». Автор известных книг «Заговор маршалов. Британская разведка против СССР», «22 июня. Правда Генералиссимуса», «Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Сталина», «Кто привел войну в СССР? Сенсационные разоблачения», пятитомника «200 мифов о Сталине» развенчивает многочисленные мифы, созданные западными и российскими историками, писателями и журналистами.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

58

Арсен Мартиросян

К решающим битвам

© Мартиросян А. Б., 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

* * *

Миф № 1. Сталин совершил колоссальную ошибку, не эвакуировав заблаговременно предприятия оборонного комплекса на восток страны.

Миф № 2. Идет война, нужно снабжать фронты вооружением, боеприпасами, материальными средствами, а в это время несколько тысяч промышленных предприятий демонтируются и эвакуируются в глубь страны?! Но можно и спросить: почему все это делается с началом войны и как же предвидели и планировали ее ведение?

Миф № 3. С началом войны эвакуация более всего была похожа на бесконечный драп от противника.

Автор «идей», заключенных в названии первых двух мифов, – мне известен. Но называть его фамилию не буду. И дело вовсе не в том, что чего-то опасаясь. Нет, отнюдь не в этом дело. Суть дела в том, что не хочу публично подвергать сомнению одно из самых высших воинских званий, которое он носит. А фамилия – фамилия ничего не даст. Так что не в этом дело. Когда впервые узнал о таком мнении, а произошло это в 2006 г., то оказался в крайне затруднительном положении – потому что было до чрезвычайности трудно поверить, что подобное могла вывести рука профессионального, казалось бы, до мозга костей военного. Как будто этому человеку не было известно, что до **70–80 %** (в зависимости от отрасли) предприятий военно-промышленного комплекса СССР накануне войны находилось в европейской части Союза?!

* * *

В европейской части СССР тогда проживало **40 %** всего населения страны, было расположено **31850** промышленных предприятий. Из них **37** заводов черной металлургии, **749** заводов тяжелого и среднего машиностроения, **169** заводов сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения, **1135** шахт, свыше **3** тыс. нефтяных скважин, **61** крупная электростанция, сотни текстильных, пищевых и других предприятий. Здесь же было сосредоточено большое количество оборонных предприятий.

* * *

Или, если исходить из смысла мифа № 2, как можно было допускать мысль о том, что эти предприятия могли быть оставлены врагу?! Или что, неизвестно, что подавляющее большинство эвакуированных предприятий демонтировались и грузились только в момент непосредственной угрозы захвата гитлеровцами той или иной части советской территории, то есть в прямом смысле слова под артиллерийскими обстрелами и бомбардировками?! Или, быть может, неизвестен тот факт, что то, чего не могли вывезти, взрывалось и уничтожа-

лось?! Но ровно до этого момента каждое из подлежавших эвакуации предприятий производило оборонную продукцию. Более того. В связи с предстоявшей эвакуацией специально выпускали небольшой задел деталей, чтобы по прибытии на новое место практически сразу наладить производство крайне необходимой фронту продукции. Но это всего лишь присказка.

Более всего в шокирующую оторопь меня ввергло заявление профессионального военного о том, что-де надо было об эвакуации подумать и организовать ее **заранее**, до начала войны?! Но разве профессиональному военному с гигантским стажем службы не известно, что даже в угрожаемый период никто не пойдет на демонтаж тысяч фабрик и заводов в пределах предполагаемого театра военных действий, потому как это будет расценено как очевидный и не подлежащий сомнению признак явной слабости государства, на которое планируется нападение?! Меры по защите и мобилизационной готовности, а также готовности к эвакуации всенепременно должны быть приняты, но никак не сама эвакуация, тем более в таких масштабах. Заблаговременная эвакуация в таких масштабах, по сути, то же самое, или, по меньшей мере, близко примыкает к известной формуле **«Мобилизация – это война»**, если не вообще совпадает с ней. **Причем с показом, что жертва предстоящей агрессии чуть ли не заранее лапки крестом складывает!**

Любопытно, что сама мысль о заблаговременной эвакуации исподволь была связана с попыткой бросить очередной булыжник в адрес того, на кого и так пытаются свалить всю ответственность за трагедию 22 июня 1941 г. – то есть на Сталина. Странная затея. Странная она именно тем, что булыжник-то в буквальном смысле слова на автопилоте бумерангом шандарахнул по Жукову и Тимошенко! И знаете почему?! Да потому, что только им в голову пришло предвидеть, что у гитлеровцев хватит ума и сил лишь на то, чтобы продвинуться в глубь советской территории всего на **150 километров!** Это именно они, и более всего Жуков, повинны в таком незаконном и негласном пересмотре глубины стратегической обороны СССР на всех азимутах западного направления. Ведь мудрый ас Генштаба Шапошников предвидел ее на **400 километров**, а высшее политическое руководство и того более предполагало. Но только Жуков в конце февраля 1941 г. произвольно (но по согласованию с наркомом обороны Тимошенко) ограничил глубину возможного прорыва гитлеровцев **150 километрами?!** Это четко зафиксировано малоизвестными документами ГРУ¹. И если даже и захотели бы осуществить заблаговременную эвакуацию из этой зоны, то, откровенно говоря, эвакуировать-то было бы нечего. Ведь это зона воссоединенных с СССР ранее незаконно отторгнутых у него территорий. Там не было оборонной промышленности, во всяком случае там не было особо значимых для обороны предприятий.

Что же до снабжения фронта, о чем в упомянутой цитате так пекся ее автор, то объяснил бы он, желательно вразумительно, следующее. Как могло получиться такое, что в прямом смысле слова **сотни** воинских эшелонов, **десятки тысяч** вагонов и ж.-д. платформ с крайне необходимыми приграничной группировке наших войск военными грузами болтались неизвестно где?! Причем отправленные еще до начала войны. К тому же перегонялись по каким-то странному, не предписанным маршрутами?! Одних только платформ с автотранспортом для военных на дорогах страны болталось **50 347 единиц, или 1320 эшелонов.** **А в это время даже механизированные корпуса РККА пешком передвигались к линии соприкосновения с врагом!** Эшелоны с новейшими танками гонялись по замкнутому треугольнику, **47 эшелонов с крайне необходимым для войск автотранспортом вообще выгрузили неизвестно где, эшелоны со 100 000 мин вообще пропали.** А ведь все это должно было быть в войсках еще до нападения. Приведенные масштабы загруженности эшелонов свидетельствуют об их довоенной отправке. И это всего лишь запредель-

¹ По данному вопросу см. мою книгу «Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Сталина». М., 2006.

ный мизер тех данных, которые следовало бы привести. Просто не хочется шокировать читателей до состояния комы.

Что же до подлинной сути дела, связанного с эвакуацией, то должен сказать следующее. Об эвакуации заботились давно. Это вообще одна из обязательных мер подготовки страны к войне. Сталин заблаговременно начал размещение дублирующих производств сил, особенно военно-промышленного комплекса, в недостижимых для авиации наиболее вероятного противника регионах. Прежде всего за Уралом и в Сибири. В течение всех предвоенных пятилеток там создавалась дублирующая промышленная база, темпы формирования которой были резко ускорены еще в начале 1939 г. Это **во-первых. Во-вторых**, из-за «безграмотного сценария вступления в войну», на который Жуков и Тимошенко негласно и незаконно подменили официальный план обороны страны, в наитяжелейших условиях начального периода войны пришлось организовывать переброску на восток **2593** промышленных предприятия вместе со всем их оборудованием. Из них только крупных **1360**. **Было эвакуировано 12** млн человек, из них **10 млн** по железной дороге. А, кроме того, без малого **2,5 млн** голов скота, уведенного из прифронтовой полосы! За **193** дня до конца 1941 г. объем перевозок составил **1,5 млн** вагонов, то есть по **7772** вагона в сутки! И там, на востоке, нередко прямо в голом поле начиналось производство оружия и боевой техники. Сначала ставили станки и приступали к производству, в том числе и используя привезенные запасы деталей, и лишь затем появлялись стены. Одна только эта эпопея с переброской промышленности на восток достойна того, чтобы коленопреклоненно почтить память наших предков, сотворивших этот великий подвиг под руководством Сталина.

Был в Америке такой известный журналист – Э. Сульцбергер. Мягко выражаясь, далеко не поклонник Советского Союза. Так вот этот далеко не советофил и уж тем более не русофил 20 июля 1942 г. опубликовал в журнале «Лайф» огромную статью о борьбе СССР с гитлеровской агрессией, в которой были следующие строки: **«Легендарным стал перевод промышленных предприятий из западной части СССР на восток... Теперь десятки сибирских заводов выпускают станки, запчасти, танки, противотанковые ружья, тягачи, самолеты, снаряды, орудия, винтовки, боеприпасы, ручные гранаты, минометы, артиллерию, дизельные моторы, карбюраторы, перерабатывают медную и железную руду, нефть. На юго-востоке действуют новые текстильные предприятия... Этот осуществленный в гигантских масштабах перевод промышленности на восток – одна из величайших саг истории»**. Слово «сага» в широком смысле означает – героическая повесть.

Так вот, творцом **«одной из величайших саг в истории»** и был советский народ, действовавший под руководством посмертно нещадно оболганного и оклеветанного И. В. Сталина! И эта сага была сотворена во имя будущей Победы, потому как тем самым создавалось то самое единство фронта и тыла, без которого первый ни при каких обстоятельствах не смог бы выиграть войну. Ведь воюют-то не армии – они только убивают друг друга. Воюют экономики, а это и есть тыл, без которого фронт не может прожить и дня. **Величайшая сага истории – едва ли не тотальная переброска промышленности на восток – наполнила могучей силой жизнь глубокого тыла, которая затем переправлялась в непобедимую мощь нашей армии.**

А для того чтобы было понятней, как это произошло, полагал бы уместным привлечь внимание читателей к содержанию статьи доктора исторических наук, профессора, академика РАЕН, руководителя Центра военной истории России Института российской истории РАН Георгия Александровича Куманева – **«Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы»**. Она была опубликована в № 6 за 2006 г. журнала «Новая и новейшая история».

Так вот, в упомянутой статье уважаемый Г. А. Куманев отмечает, что беспримерной в мировой истории, поистине героической и драматической эпопеей явилось массовое пере-

мещение в первый период Великой Отечественной войны из угрожаемых районов СССР на восток населения, промышленных предприятий, имущества МТС, колхозов и совхозов, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья и других материальных ценностей. Осуществленная в Советском Союзе эвакуация по своим масштабам и срокам была уникальной производственно-транспортной операцией. По этому поводу известный английский публицист Александр Верт, всю войну находившийся в Советском Союзе как корреспондент Би-би-си и газеты «Санди таймс», писал: **«Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, как эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены, и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 года – это, прежде всего, повесть о невероятной человеческой стойкости»**. А. Верт особо подчеркивал **«великолепнейший организаторский подвиг»**, который был совершен в СССР в самый разгар германского вторжения, когда «огромной важности промышленные районы европейской части» страны оказались захвачены врагом.

Анализируя итоги тотальной эвакуации, Г. А. Куманев совершенно справедливо приходит к выводу о том, что без успешного выполнения столь грандиозной производственно-транспортной операции, проведенной в СССР в 1941–1942 гг., невозможно было не только сохранить основную экономическую базу страны, но и организовать прочный тыл и оперативно переключить народное хозяйство на массовый выпуск необходимой фронту военной продукции. Эвакуация была хотя и вынужденной, но крайне важной мерой, вызванной трагической обстановкой, сложившейся в зоне боевых действий уже в самом начале войны.

Ведь гитлеровцы надеялись, как это им удалось в поработанных странах Европы, использовать огромный промышленно-экономический потенциал, имущество сотен колхозов, МТС, совхозов и другие мелкие материальные ценности и людские ресурсы СССР. После овладения столь внушительной экономической базой они рассчитывали быстро покончить с советским государством. Соответственно, необходимо было принять адекватные экстренные и эффективные меры, чтобы сорвать эти планы агрессора. Именно этим целям служила директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., которая призвала население при вынужденном отходе Красной Армии **«угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего»**. Понятно, что в полном объеме выполнить подобное требование было не реально, однако призыв к максимальному спасению от врага всего, что можно было спасти, был воспринят в стране, как и полагается патриотически настроенному обществу. Все ценное имущество и продовольственные запасы, которые невозможно было эвакуировать в тыл, разрушалось и уничтожалось. Как сама эвакуация, так и неизбежное уничтожение и разрушение имущества, которое невозможно было вывезти, обусловило значительные материальные и финансовые потери. Одно лишь прекращение производственного процесса на тысячах предприятий означало для советского государства ущерб в десятки и сотни миллионов рублей. Но на это пришлось идти во имя спасения от врага и сохранения большей части производительных сил страны и последующего их использования в интересах фронта, скорейшего создания и развертывания мощной военной экономики СССР.

В связи с этим, конечно же, возникает и вопрос о заблаговременно подготовленных эвакуационных планах. Куманев отмечает, что их фактически не существовало, хотя перед войной некоторая работа в этом направлении проводилась. Черновые варианты таких документов составлялись, например, Военно-промышленной комиссией при СНК СССР в 1939–1940 гг. и в начале 1941 г. Более того, когда 21 апреля 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление «О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны г.

Москвы», дабы обеспечить безопасную эвакуацию, была даже создана специальная Комиссия по эвакуации из г. Москвы населения в военное время во главе с председателем Моссовета В. П. Прониным. 3 июня эта комиссия представила И. В. Сталину свой план и проект постановления Совнаркома СССР «О частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время». Предусматривалось, в частности, с началом войны вывезти в тыловые районы 1 млн 40 тыс. москвичей. 5 июня на докладной записке председателя комиссии Сталин наложил следующую резолюцию: **«Т-щу Пронину. Ваше предложение о “частичной” эвакуации населения Москвы в “военное время” считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию – ЦК и СНК уведомят Вас».**

* * *

Небольшой комментарий. Насчет того, что заблаговременно разработанных планов эвакуации вообще не было, – согласиться трудно. Потому что это обязательные мероприятия, которые отдельным разделом входят в общегосударственный мобилизационный план на случай войны. С 1926 г. в СССР разрабатывались мобилизационные планы на случай войны, в которых предусматривалась и эвакуация. То есть соответствующие планы или, по крайней мере, хотя бы черновые проекты на этот счет все же имелись. Сталин тем и отличался, что обо всем думал наперед, причем задолго до наступления тех или иных событий, которые он предвидел. Да и сам Куманев отмечает, что черновики все-таки были. Другое дело, что эти проекты даже вчерне не доводились до сведения конкретных исполнителей. И в том был тогда громадный политический, скорее даже стратегический, смысл. Потому что в таком случае неизбежно поползут всевозможные слухи, которые будут очень сильно нервировать население, фактически провоцируя его на панику задолго до войны. Уж что-что, но язык за зубами у нас держать не умеют. Даже в условиях жесткого сталинского режима и то болтали столь много и на такие ненужные темы, что не только оказывались за решеткой из-за невоздержанности собственного языка, но и обеспечивали иностранные разведки вполне серьезной информацией. А оно надо было Сталину, чтобы о его планах по мобилизации государства и эвакуации во время войны заранее знали бы в том же Берлине?! Собственно говоря, именно поэтому-то он и отписал председателю Моссовета В. П. Пронину такую резолюцию. Иначе было нельзя. Если бы об этом стало известно хотя бы в Москве именно в тот момент, то есть в начале июня, то началась бы паника буквально по всей стране.

Но в то же время любопытна иная деталь. Опираясь на ранее особо секретные архивные документы, Куманев отмечает, что черновые варианты планов эвакуации составлялись задолго до начала войны. В качестве подтверждения он ссылается на деятельность Военно-промышленной комиссии при СНК СССР в 1939–1940 гг. и в начале 1941 г. и даже на факт создания в конце апреля специальной Комиссии по эвакуации из г. Москвы населения в военное время во главе с председателем Моссовета В. П. Прониным. Без санкции Сталина она не могла быть создана. Тем более в увязке с постановлением Совнаркома СССР от 21 апреля 1941 г. «О мероприятиях по улучшению местной противоздушной обороны г. Москвы». **Обращаю на это особое внимание читателей, так как это одно из убойных свидетельств того, что ни на кого нападать ни Сталин, ни СССР не собирались даже гипотетически! Все упомянутые Куманевым мероприятия сугубо оборонного предназначения!**

* * *

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других

ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации в составе Л. М. Кагановича (председатель), А. Н. Косыгина (заместитель председателя), Н. М. Шверника (заместитель председателя), Б. М. Шапошникова, С. Н. Круглова, П. С. Попкова, Н. Ф. Дубровина и А. И. Кирпичникова. 26, 27 июня и 1 июля решением тех же органов в Совет по эвакуации были дополнительно введены А. И. Микоян (первым заместителем председателя), Л. П. Берия и М. Г. Первухин (заместитель председателя). **«Тогда считалось, – вспоминал А. И. Микоян, – что Наркомат путей сообщения должен играть главную роль в вопросах эвакуации. Объем же эвакуации из-за ухудшения военной обстановки расширился. Все подряд эвакуировать было невозможно. Не хватало ни времени, ни транспорта. Уже к началу июля 1941 г. стало ясно, что Каганович не может обеспечить четкую и оперативную работу Совета по эвакуации».** 3 июля 1941 г. председателем Совета по эвакуации был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник. Однако на этом организационный процесс не завершился. 16 июля последовало новое решение ГКО «О составе Совета по эвакуации». На этот раз в его реорганизованный состав вошли: Н. М. Шверник (председатель), А. Н. Косыгин (заместитель председателя), М. Г. Первухин (заместитель председателя), А. И. Микоян, Л. М. Каганович (в отсутствие Кагановича его заменял Б. Н. Арутюнов), М. З. Сабуров (в отсутствие Сабурова его заменял Г. П. Косяченко) и В. С. Абакумов (НКВД).

16 августа 1941 г. постановлением Государственного Комитета Оборона (ГКО) в Совет по эвакуации дополнительно ввели заместителя начальника Главного управления тыла Красной Армии генерал-майора М. В. Захарова. 26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения во главе с заместителем председателя СНК РСФСР К. Д. Памфиловым. Одновременно Памфилов пополнил состав Совета по эвакуации в качестве одного из заместителей председателя Совета. Вся работа по спасению людей, промышленного оборудования, ресурсов сельского хозяйства, материальных и культурных ценностей постоянно находилась в центре внимания ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР и Совета по эвакуации. За практическое осуществление перебазирования производительных сил стали отвечать центральные комитеты партии и совнаркомы союзных республик, обкомы, райкомы и горкомы партии, исполкомы местных советов прифронтовых и многих областей страны, где были созданы специальные комиссии, комитеты, бюро или советы по эвакуации. К выполнению этой чрезвычайно важной военно-хозяйственной задачи были также привлечены Госплан СССР и наркомат обороны СССР. В этой ситуации полностью оправдала себя в интересах более четкого управления всей системой перебазирования организационная перестройка тыла Красной Армии, проведенная в августе 1941 г. Вывоз промышленного оборудования и других материальных ценностей в восточные районы страны стал одной из важнейших обязанностей начальников тыла фронтов и армий. Объединение в одних руках функций планирования, подвоза и снабжения позволило более гибко и оперативно решать многие вопросы, связанные с эвакуоперевозками. При наркоматах и ведомствах были образованы бюро, комитеты, советы и комиссии по эвакуации с выделением уполномоченных для каждой группы предприятий. Контроль за вывозом населения, оборудования и других материальных ценностей осуществляла созданная при Совете по эвакуации группа инспекторов во главе с А. Н. Косыгиным. В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 г. были определены главные задачи и первоочередные объекты эвакуации. Перемещению на восток в первую очередь подлежали квалифицированные кадры рабочих и служащих, старики, женщины и молодежь, промышленное оборудование, станки и машины, цветные металлы, горючее, хлеб и другие ценности, имеющие государственное значение. Вскоре это постановление было дополнено утвержденной Совнаркомом СССР специальной инструкцией о порядке демонтажа и отгрузки оборудования заводов и фабрик. В тот же день, 27 июня, были при-

няты и решения «О вывозе из Ленинграда ценностей и картин ленинградского Эрмитажа, Русского и других музеев» и «О вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля». Оба эти постановления, особенно второе, несомненно, свидетельствовали о большой тревоге, которая охватила на шестой день войны Сталина и высшее руководство страны в результате угрожающего развития боевых действий.

В гигантскую операцию по перебазированию производительных сил страны уже в течение первых недель войны были активно включены все виды советского транспорта. Но главная тяжесть при этом выпала на долю железных дорог. Совет по эвакуации поддерживал постоянную оперативную связь с НКПС через представителей наркомата путей сообщения в Совете. На крупные железнодорожные станции правительство направило уполномоченных Совета по эвакуации с широкими полномочиями. Только на девяти железных дорогах центра находилось до 30 уполномоченных Совета по эвакуации. Позднее было дано указание направить во все морские бассейны заместителей наркома морского флота и ответственных работников политуправления наркомата. В самом НКПС вопросами эвакуации населения и материальных грузов занимались Грузовое управление и Управление движения. Здесь была сформирована оперативная группа в составе 25 человек. Состоявшая из опытных работников группа осуществляла выполнение решений Совета по эвакуации: обеспечивала подачу вагонов под погрузку, вела учет погруженных вагонов, контролировала их продвижение и выгрузку. Наркоматом путей сообщения было срочно начато составление конкретных планов и мероприятий, связанных с беспрепятственным продвижением эшелонов с эвакуированными грузами. Как вспоминал бывший заместитель наркома путей сообщения и начальник Грузового управления НКПС Н. Ф. Дубровин, **«конкретными, заблаговременно разработанными эвакуационными планами на случай неблагоприятного хода военных действий мы не располагали. Положение осложнялось тем, что многие предприятия прифронтовых районов до последней возможности должны были давать продукцию для обеспечения нужд обороны. Наряду с этим нужно было своевременно подготовить оборудование промышленных объектов к демонтажу и эвакуации, которую приходилось часто осуществлять под артиллерийским обстрелом и вражескими бомбардировками. Между тем необходимого опыта планирования и проведения столь экстренного перемещения производительных сил из западных районов страны на восток у нас не было. Помню, как по заданию директивных органов мы специально разыскивали в архивах и библиотеках Москвы, в том числе в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, хотя бы отрывочные сведения об эвакуации во время первой мировой войны, но найти почти ничего не удалось. Опыт приобретался в ходе военных действий».**

В направленном в Совет по эвакуации письме от 18 июля 1941 г. Генеральный штаб Красной Армии отмечал: «Эвакуация населения и промпредприятий с Западной границы СССР происходила без заранее составленного в мирное время эвакуоплана, что, несомненно, отражается и на ее осуществлении». В связи с этим Генштаб предложил Совету по эвакуации «дать указания соответствующим наркоматам на проработку плана вывоза подведомственных им предприятий, определив для них заранее эвакуобазы», а также районы размещения эвакуируемого населения. В июле же была осуществлена и попытка разработать общий план эвакуации из прифронтовой зоны как населения, так и промышленности, ресурсов сельского хозяйства и других материальных и культурных ценностей. При этом, полагая, что Красная Армия вскоре остановит слишком резво наступающего противника, плановые органы наметали переместить основную массу людей только в районы ближайшего тыла и то в количестве немногим более 2 млн человек. Из этого числа значительную часть эвакуируемых планировалось вывезти в Поволжье. Что касается более восточных областей, то, например,

на Урал должны были переселиться всего лишь 440 тыс. человек. Но быстрое развитие событий на фронте приняло угрожающий характер. Указанный план оказался совершенно нереальным. Встал вопрос о спасении многих миллионов советских людей.

Работавший в начале войны первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличев впоследствии отмечал, что «случалось, что в открытых полувагонах или на платформах ехали люди. Хорошо, если был брезент, которым можно было прикрыться от дождя. Иногда и этого не было. Здесь же станки или материалы, кое-что из вещей эвакуированных. Именно кое-что. Люди спасались от нашествия варваров, и было, конечно, не до вещей. При более благоприятной обстановке два-три крытых вагона выделяли для женщин с детьми. Вместо 36 человек в них набивалось по 80–100. Никто, разумеется, не роптал – горе объединяло людей, кров которых был захвачен фашистами». Перевозки населения были взяты под постоянный и строгий контроль руководства страны. Начальники дорог ежедневно не позднее 22 часов сообщали в НКПС о следовании людских эшелонов и отдельных вагонов с эвакуируемым населением по состоянию на 18 часов. В свою очередь наркомат путей сообщения ежедневно представлял в ГКО подробную справку о находящихся на железных дорогах составах с эвакуируемыми гражданами СССР. Еще в июле на ряде железнодорожных узлов, станций и пристаней были организованы эвакуационные пункты, которые принимали и отправляли эшелоны с людьми, организовывали их питание и медицинское обслуживание. «Цепь эвакуационных пунктов протянулась на тысячи километров от прифронтовых железнодорожных станций юга и запада страны до Восточной Сибири, Казахстана, Средней Азии», – вспоминал позднее А. Н. Косыгин. Для оказания помощи спасающемуся от угрозы фашистского порабощения населению государство выделило значительные средства. В эвакуационных пунктах старшие вагонов получали хлеб и другие продукты. Организовывались столовые, душевые, санпропускники, было обеспечено снабжение людей кипятком. Только во второй половине 1941 г. государство израсходовало в помощь эвакуированным советским гражданам около 3 млрд рублей.

В то же время Куманев справедливо замечает, что все это, конечно, не означало, что эвакуация советских граждан с самого ее начала протекала гладко и слаженно. Срочно поднять миллионы людей с «обжитых мест», организовать их погрузку, перевозку и обеспечить размещение в тылу было чрезвычайно сложно. Как и во всяком большом деле, да к тому же без соответствующей подготовки, здесь в разное время было немало неполадок. Тут и отсутствие транспортов, длительное простаивание ряда эшелонов на некоторых станциях (нередко из-за нераспорядительности местных властей или ответственных лиц), перебои со снабжением продуктами питания, кипятком, потери родных в пути следования, кражи вещей эвакуируемых, отсутствие оперативной медицинской помощи и т. п. Однако, как свидетельствовали впоследствии сами участники событий и многочисленные документы, эти недостатки все же не носили массового характера. С ними боролись, их преодолевали весьма решительно и последовательно по законам военного времени. Имели место и упущения другого рода, во многом связанные с отсутствием необходимого опыта при проведении столь масштабного перебазирования.

Погрузка эвакуационных грузов на станциях и узлах западноевропейской части СССР зачастую расплывалась, что затрудняло быстрое формирование эшелонов. Точные направления продвижения эвакуационных поездов и конечные пункты их следования были указаны в большинстве случаев только для пассажирских составов. Новые места размещения многих предприятий первоначально устанавливались самими наркоматами. Они нередко планировали или чрезмерно дальнюю переброску некоторых грузов (в Сибирь и даже на Дальний Восток), или в районы ближайшего тыла, которые вскоре сами становились зоной боевых действий. Бывали случаи, когда вместе с эвакуационными в глубокий тыл без всякой надобности отправлялись вагоны с боеприпасами и вооружением, предназначенные для действующей

армии. И все же в целом грандиозная операция по перемещению в тыл целой индустриальной базы страны, включая огромные людские контингенты, принимала все более планомерный и целеустремленный характер. Советом по эвакуации был выработан твердый порядок планирования и организации эвакуационных перевозок. Наркоматы заблаговременно представляли в Совет по эвакуации заявки по каждому предприятию, подлежавшему перебазированию в тыл. В них содержалось требуемое число и тип вагонов (крытых, полуплатформ, цистерн, полувагонов и т. п.). **«Ночью еду по темной Москве в Кремль, в Совет эвакуации, “выбивать” эшелоны под погрузку, – вспоминал нарком авиационной промышленности военных лет А. И. Шахурин. – Докладываю, сколько погрузили за день и сколько нужно на завтра. Для авиации – первая очередь, но ведь вагоны нужны и другим. Поэтому строгая проверка: весь ли транспорт использован, насколько обоснована новая заявка».** По свидетельству бывшего заместителя председателя Совета по эвакуации М. Г. Первухина, **«Совет по эвакуации с участием представителей наркоматов и почти всегда с участием представителя Наркомата путей сообщения уточнял представленные проекты решений, определял сроки эвакуации, пункты размещения и количество требуемых для этого железнодорожных вагонов. Проекты постановлений об эвакуации вместе с короткой запиской посылались на рассмотрение ЦК ВКП(б) и ГКО».**

Затем выносились согласованные решения по каждому крупному промышленному объекту, который следовало эвакуировать. В них указывались сроки перебазирования, необходимое количество вагонов, которое должен выделить НКПС, скорость продвижения грузов, пункты назначения и т. п. Постановления Совета по эвакуации или ГКО немедленно поступали в НКПС и соответствующие наркоматы для исполнения. С середины июля 1941 г. Совет по эвакуации совместно с НКПС стал составлять планы эвакуоперевозок (промышленности, ресурсов сельского хозяйства, населения, культурных ценностей и т. п.) на каждую декаду месяца. Эти планы рассматривались и утверждались Государственным Комитетом Обороны. Был уточнен весь наличный вагонный парк и предусмотрено наиболее целесообразное его использование под перевозки. В частности, было намечено, что многие эшелоны, осуществляющие мобилизационные перевозки на запад, должны после разгрузки немедленно предоставляться для эвакуогрузов. С этой же целью в прифронтовые области перебрасывалась часть порожних вагонов и платформ. Но вагонов не хватало, и потребность в них все время увеличивалась. Это заставляло искать дополнительные резервы, усиливать контроль за правильностью погрузки и заполнения емкости вагонов. Ввиду нехватки порожних вагонов наркомату путей сообщения неоднократно приходилось обращаться в Совет по эвакуации или в ГКО с просьбой разрешить досрочную разгрузку части неоперативных эвакуогрузов. Преимущественно с этой целью на всех магистралях периодически проводилась перепись вагонов с эвакуогрузами, в которой указывались номер каждого вагона, откуда, куда и с грузом какого предприятия и наркомата он следует и т. п. Такие переписи, например, состоялись на железнодорожной сети 14 и 25 июля, 25 августа, 5 и 30 сентября, 5 и 10 октября, 15, 17 и 27 ноября, 12 декабря 1941 г.

Далее Куманев отмечает, каких огромных усилий потребовало перебазирование сотен и тысяч промышленных объектов. При демонтаже многих предприятий ощущалась острая нехватка рабочей силы, грузоподъемных и транспортных средств. Чрезвычайно сложно было в крайне ограниченное время, часто под огнем противника демонтировать и размещать на железнодорожных платформах крупногабаритные грузы: оборудование электростанций, горной, угольной промышленности, металлургии. В условиях быстро ухудшающейся военной обстановки нередко приходилось ограничиваться вывозом только наиболее важных и технически современных агрегатов, станков, машин и механизмов. Одним из основных правил, которые постоянно стремились соблюдать местные органы во время демонтажа и перемещения предприятий, было сохранение комплектности оборудования. Эшелоны

с ценным оборудованием формировались так, чтобы каждый из них, а иногда и часть могли на новом месте быстро развернуться в самостоятельное предприятие и выпускать необходимую фронт и стране продукцию.

Эвакуация из различных регионов и областей европейской части страны происходила по-разному. С наименьшим успехом она прошла в западных приграничных районах, откуда вследствие быстрого продвижения противника организовать более или менее полный вывоз населения и материальных ценностей не представлялось возможным. По свидетельству, например, руководства Брест-Литовской железной дороги, эвакуацию пришлось начать под огнем наступающего врага **«при полнейшем отсутствии связи с военным командованием»** и при противоречивых указаниях местных организаций, **«рассматривавших вопрос об эвакуации как создание паники, как нарушение государственной дисциплины»**.

Только после получения в 22 часа 23 июня 1941 г. приказа НКПС об эвакуации были приняты меры по вывозу различных материальных ценностей и документов. Во второй половине дня в глубь страны отправились составы с семьями трудящихся, прибывшие из зоны военных действий. Потери оказались значительными: из **10 091** вагона с материальными грузами удалось отправить в тыл только **5675**.

В крайне тяжелой обстановке проходила эвакуация из Молдавской ССР. Лишь благодаря оперативным и энергичным действиям республиканских и местных органов, рабочих предприятий и железнодорожников Кишиневской дороги было вывезено из угрожаемых районов до **300** тыс. граждан республики, а также **4076** вагонов с ценным промышленным оборудованием, сельскохозяйственными машинами, зерном, продовольствием и большое количество скота. **«В первые два-три дня военных действий, – вспоминал нарком путей сообщения СССР (1944–1945 гг.) генерал-лейтенант И. В. Ковалев, – вопросы эвакуации населения, воинского имущества, промышленного оборудования и других народнохозяйственных ценностей в значительной мере приходилось решать военному командованию, партийным и советским органам по собственному усмотрению. В одних случаях местные органы, трезво оценив обстановку, принимали решительные меры для эвакуации гражданского населения и материальных ценностей, в других – проявляли колебания, и в результате советские люди не по своей воле остались на оккупированной врагом территории, а материальные ценности либо в последний момент приходилось уничтожать, либо, что еще хуже, они доставались немецко-фашистским захватчикам»**.

Куманев справедливо указывает, что к решению эвакуационных задач с первых дней войны были подключены и органы военных сообщений (ВОСО) фронтов и армий. Когда в середине июля 1941 г. на железнодорожном узле Великие Луки скопилось большое число вагонов с эвакуогрузами, офицеры военных сообщений пришли на помощь железнодорожникам. За двое с половиной суток отсюда было отправлено в тыл страны около 1000 вагонов ценных грузов. Вместе с населением, промышленным и сельскохозяйственным оборудованием, продовольствием и культурными ценностями из прифронтной зоны вывозилось транспортное хозяйство магистралей, заводов и предприятий НКПС. Большую роль в этом деле играли части железнодорожных войск. С первых дней войны они приняли на себя не только основную тяжесть проведения заградительных и восстановительных работ на головных железнодорожных участках, но и техническое прикрытие железных дорог. Важной составной частью их деятельности стало также обеспечение эвакуации подвижного состава, станционного оборудования, верхнего строения и т. п. Так, воины 4-й железнодорожной бригады (командир полковник М. Т. Ступаков) Особого корпуса железнодорожных войск, находясь с начала боевых действий по август 1941 г. в составе Юго-Западного фронта, сумели вывезти или разрушить 244 км главного и 32 км станционного пути. За это же время

они обеспечили переброску в тыл 25400 вагонов и 692 паровоза. Части того же корпуса сумели угнать с Львовской железной дороги в тыл более 150 паровозов.

Значительный объем эвакуационных работ в юго-западных приграничных районах на железнодорожных узлах Самбор, Стрый, Тернополь выполнили также воины 5-й железнодорожной бригады (командир полковник П. А. Кабанов) и другие части. С громадными трудностями, под непрерывающимися бомбардировками и обстрелами осуществлялось перебазирование предприятий и населения Украины и Крыма. 4 июля ЦК КП(б) Украины и Совнарком УССР направили всем партийным и советским организациям специальную директиву. В ней ставилась задача **«немедленно выделить ответственных людей за каждую МТС, совхоз, отвечающих за уничтожение ценного имущества, которое не может быть взято на случай эвакуации»**. Директива требовала усилить **«отгрузку ценностей, оборудования предприятий и продовольствия (зерно, сахар и другие ценные товары), приняв меры к тому, чтобы подготовиться к уничтожению всего оборудования, продовольственных и других товаров, которые не могут быть вывезены при вынужденном отходе частей Красной Армии»**. Поток грузов на восток из важнейших промышленных центров УССР быстро возрастал. Уже в первых числах июля значительных размеров достигли эвакуационные перевозки из областей Правобережной Украины. Много усилий прилагали местные органы, чтобы обеспечить вывоз всего намеченного к перебазированию. Один из руководящих работников Днепропетровской области К. С. Грушевой впоследствии отмечал, что **«для проведения полного демонтажа этих заводов, для погрузки станков и различного оборудования в железнодорожные составы мы имели считанные дни. Эвакуацию провели организованно, без нервозности и спешки. Оборудование, буквально до последнего винтика и гайки, установили и уложили на своевременно поданные платформы. Инженерно-технический персонал, рабочих и служащих обеспечили продовольствием, деньгами и усадили в теплушки. К середине июля был отправлен последний, как мы его называли, “специальный” эшелон»**. Одновременно развернулась эвакуация из Одесской области. Днем и ночью в условиях постоянных воздушных налетов демонтировалось наиболее важное промышленное оборудование, и шла его погрузка в эшелоны и на морские суда. В начале августа немецко-фашистские войска перерезали основную коммуникацию дороги, и Одесса оказалась изолированной с суши. Тогда было решено организовать вывоз основных железнодорожных грузов водным путем через Одесский порт в Николаев. Прибывшие в Николаев локомотивы подали к подготовленным составам, и они увезли в тыловые районы свыше 20 эшелонов с ценными грузами. К моменту занятия города противником вывоз населения и промышленного оборудования железнодорожным и морским путем был завершен. Вскоре ввиду угрозы широкого выхода немецко-фашистских войск к Днепру в полосе обороны Юго-Западного и Южного фронтов стала неизбежной массовая эвакуация промышленных районов Приднепровья и Крыма. Только через Киевский узел было отправлено на восток **450** эшелонов, которые эвакуировали оборудование 197 крупных предприятий украинской столицы и свыше 350 тыс. киевлян. **«Обстановка здесь была исключительно тяжелой, –** отмечал в своих воспоминаниях бывший уполномоченный Совета по эвакуации Л. И. Погребной. **– С утра до ночи Киев бомбили. Все торопились с эвакуацией. Однако рабочие в столь напряженной обстановке проявляли беспримерный героизм и сумели вывезти из Киева основное оборудование, сырье и материалы»**.

В начале августа 1941 г. ГКО и Совет по эвакуации обязали НКПС, наркоматы черной металлургии, электростанций, боеприпасов, химической промышленности, среднего и тяжелого машиностроения и земледелия ускорить перебазирование предприятий, расположенных на правом берегу Днепра. При демонтаже многих предприятий здесь ощущалась острая нехватка рабочей силы, грузоподъемных и особенно транспортных средств.

Так, в докладной записке уполномоченного наркомата тяжелого машиностроения СССР Н. И. Гусарова от 7 августа 1941 г. о ходе эвакуации с Украины оборудования, материалов и рабочей силы Первомайского машиностроительного завода им. 25 Октября говорилось, что **«отгрузка заводского хозяйства была прекращена только после того, как военный комендант станции заявил, что вагонов больше нам не даст, т. к. положенную норму мы уже забрали... Вагоны под погрузку поступали очень плохо, медленно, несмотря на наши категорические требования о нормальной и своевременной их подаче».**

Как отмечает Куманев, основной поток эвакуационных перевозок из Приднепровья и Крыма проходил через Южную и особенно Сталинскую магистрали. В течение 15 дней августа 1941 г. только по Сталинской дороге (начальник дороги Н. Т. Закорко) было погружено около **14 тыс.** вагонов эвакогрузов. С середины августа развернулось перебазирование предприятий и населения с левого берега Днепра, в первую очередь заводов, фабрик, электростанций Запорожской и восточной части Днепропетровской областей. Местными органами вместе с уполномоченными ГКО и Совета по эвакуации – председателем СНК УССР Л. Р. Корнийцом и заместителем наркома черной металлургии СССР А. Г. Шереметьевым, представителями НКПС С. И. Багаевым и Н. Ф. Дубровиным, начальниками военных сообщений Южного и Юго-Западного фронтов генерал-майором А. Н. Королевым, полковником А. А. Коршуновым, а также Военными советами этих фронтов были приняты энергичные меры по демонтажу, погрузке и вывозу наиболее ценного оборудования. 20 августа с запорожских заводов ушел первый эшелон, и с этого дня размеры эвакуационных перевозок из города и области ежедневно нарастали. Завершалось перебазирование важнейших предприятий Днепропетровска, а после его захвата противником (25 августа) эвакуация продолжалась в левобережье области. В тесном контакте с железнодорожниками демонтировали и грузили эшелоны коллективы запорожских и днепропетровских заводов «Запорожсталь», «Днепроспецсталь», «Правда», им. В. И. Ленина, «Светофор», «Коминтерн», «Коммунар», им. Карла Либкнехта, им. Ф. Э. Дзержинского, им. Г. И. Петровского, им. Артема, им. Шевченко, алюминиевого, магниевое, ферросплавного, коксохимического, азотнотукового, авиамоторов и др. Отвечавший за эвакуацию запорожской группы заводов А. Г. Шереметьев в послевоенное время вспоминал, что **«с правого берега гитлеровцы просматривали заводы. Враг видел, как увозят оборудование запорожских предприятий, бомбил и ежедневно обстреливал территории заводов артиллерийским и минометным огнем. Ежедневно были раненые и убитые. Но люди работали, спешили. Были дни, когда из Запорожья уходило по 800–900 вагонов, груженых оборудованием и материалами».** В обычных условиях для перевозок по железным дорогам негабаритных грузов, в том числе и особо тяжелых, применялись специальные платформы. Десятки таких платформ требовались для вывоза оборудования запорожских заводов, но их на месте не было. Тогда для этой цели были приспособлены нормальные **60-тонные** платформы. Каждая усиленная платформа грузилась и отправлялась только после тщательного осмотра представителями железных дорог. На таких платформах были перевезены **22** станины прокатных станов и другие детали, вес которых превышал 60 тонн. По предложению железнодорожников для вывоза тяжелого оборудования были использованы тележки тендеров паровозов «ФД». А вскоре прибыло около **100** большегрузных платформ и транспортеров, направленных сюда по указанию Совета по эвакуации.

Ситуация складывалась так, что в условиях постоянно ухудшающегося положения на фронте нередко приходилось ограничиваться вывозом только наиболее ценных и технически современных агрегатов, станков, машин, механизмов. При этом необходимо было, с одной стороны, обеспечить оперативную переброску определенного числа и профиля предприятий для развертывания военного производства на востоке, а с другой – требовалось не допустить, чтобы эвакуация вызвала резкие перебои в обеспечении первоочередных

нужд действующей армии. В то время как одна часть промышленных предприятий находилась в пути на восток, другая продолжала на старом месте до последней возможности производить продукцию для фронта. Принцип очередности и поэтапности эвакуации зависел, таким образом, прежде всего от складывавшейся обстановки, а также типа и значения предприятий. При этом одним из основных правил, которые постоянно стремились соблюдать местные органы во время демонтажа и перемещения предприятий, было сохранение комплектности оборудования. Эшелоны с ценным оборудованием формировались так, чтобы каждый из них, а иногда и часть, могли быстро развернуться в самостоятельное предприятие и выпускать продукцию. К началу октября вывоз важнейшего оборудования запорожских и днепропетровских заводов был завершен.

С большими трудностями и потерями осуществлялась эвакуация из Харьковской области и Донбасса. Как отмечалось в одном из спецсообщений Транспортного управления НКВД СССР от 4 октября 1941 г., перебазирование харьковских предприятий **«из-за неподготовленности заводов к погрузке, отсутствия средств механизации погрузочных работ и главным образом из-за нераспорядительности и растерянности администрации заводов»** проводилось неудовлетворительно. И все же к 16 октября все крупные заводы города и области (45 предприятий) удалось эвакуировать. Вместе с заводами выехали в тыл **24,5 тыс.** рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Решение Совета по эвакуации о перемещении в восточные районы страны предприятий Донецкого бассейна состоялось лишь 9 октября 1941 г., когда противник уже завязал бои на территории Донбасса. Всего за пять дней до захвата врагом Макеевки началась эвакуация местного металлургического завода. Постановление ГКО о перебазировании на восток Мариупольского металлургического завода было вынесено 5 октября, эвакуация началась на следующий день, но уже 8 октября была прервана противником. **«По важнейшим металлургическим, коксохимическим и огнеупорным заводам Сталинской области фактически эвакуация была сорвана»**, – сообщал в ГКО нарком черной металлургии СССР И. Ф. Тевосян. Из Сталинской и Ворошиловградской областей местные органы успели отправить в тыл только **11 870** вагонов с людьми, оборудованием и материалами. Чрезвычайно сложной задачей являлось перебазирование энергетического хозяйства Украины, которое нельзя было демонтировать одновременно с другими оборонными предприятиями. Ведь значительная часть из них выполняла срочные заказы фронта и нуждалась в бесперебойной подаче электроэнергии. Поэтому переброска из угрожаемых районов основного оборудования таких крупных электростанций, как Киевская, Кураховская, Зуевская, Северо-Донецкая, Штеровская ГРЭС, Одесская ТЭЦ, проходила буквально перед отходом советских войск, в самые последние дни и часы. На Днепропетровской ГЭС местные работники успели снять только некоторые детали с трех турбин, а плотину пришлось взорвать. Всего с Украины только с июля по октябрь были вывезены в тыл **миллионы людей**, около **500** крупных промышленных предприятий. Кроме того, удалось эвакуировать за пределы республики свыше **6 млн** голов скота, **1667,4 тыс.** тонн зерна и **269,5 тыс.** тонн зернопродуктов, **тысячи** тракторов, автомашин и много других материальных и культурных ценностей. Нелегкой была эвакуация и из Крыма, где пропускная способность участков была недостаточной и отсутствовало необходимое количество порожних вагонов и погрузочных механизмов. В этих условиях и несмотря на близость фронта, только с 7 по 31 августа работниками Сталинской дороги было отправлено в тыл из Приднепровья и Крыма **54 000** вагонов с эвакуантами и населением – значительно больше, чем это было предусмотрено планом, установленным правительством на вторую и третью декады августа 1941 г.

Куманев далее справедливо отмечает, что эвакуация производительных сил с территории Белорусской ССР осуществлялась в исключительно тяжелых условиях. Уже 23 июня 1941 г. встал вопрос о незамедлительной эвакуации населения и материальных ценностей

из городов, подвергавшихся обстрелу в полосе военных действий. **«Это было нелегкое решение, – рассказывал бывший первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко. – Еще тяжелее было ставить этот вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством. В середине дня я позвонил Сталину и после краткой информации сообщил ему о нашем решении. Он удивился и спросил: “Вы думаете это надо делать? Не рано ли?” Я ответил: “Обстановка сложилась такая, что в половине западных областей республики (в Брестской, Белостокской, Пинской, Барановической) широкая эвакуация уже невозможна. Боюсь, что опоздание с этим для Минска и восточных областей станет непоправимым”.** Подумав, Сталин сказал: **“Хорошо, приступайте к эвакуации...”**» Была срочно создана республиканская комиссия во главе с председателем Совнаркома БССР И. С. Былинским, которая приступила к работе. Между тем обстановка стремительно ухудшалась, что не позволило организовать эвакуацию в достаточно широких размерах из западных областей БССР, которые уже через несколько дней были оккупированы врагом. В несколько больших размерах эвакуация прошла в восточной части республики. Только из Гомеля и одноименной области ежедневно отправлялось в тыл не менее **250–300** вагонов с эвакуантами. Между тем для эвакуации оборудования только «Гомсельмаш», паровозоремонтного и станкостроительного заводов требовалось более **2500** вагонов и платформ. В докладной записке от 18 августа 1941 г. на имя Председателя ГКО Сталина Пономаренко сообщил, что все наиболее значительные предприятия числом 83 из Белоруссии эвакуированы полностью, в том числе станкостроительные заводы, «Гомсельмаш», очковая фабрика, ПРЗ, пресса для изготовления дельтадревесины (важнейший материал для изготовления самолетов того периода), Могилевский авиазавод, Оршанский льнокомбинат, Кричевский цементный завод, труболитейный завод, судоремонтные мастерские и др. В записке отмечалось, что в тыловые районы удалось вывезти более **16,5** тыс. единиц ценного технологического оборудования, **842** т цветных металлов, **44** км силового кабеля, более **3400** вагонов готовой продукции, свыше **2130** вагонов металлолома, а также **44 765** тонн зерна, **600** тыс. голов скота, **4** тыс. тракторов, **400** комбайнов, **150** молотилок и др. Всего из Белоруссии было эвакуировано свыше **1,5** млн человек, **109** крупных и средних промышленных предприятий, из них **39** союзного и **70** республиканского значения.

По справедливому замечанию Куманева, в не менее напряженных условиях прошла эвакуация и в республиках Прибалтики. В первые дни войны, несмотря на непрерывные налеты вражеской авиации и действия диверсантов, железнодорожники и рабочие коллективы предприятий Риги, Елгавы, Вентспилса, Даугавпилса и других грузили в 4–5 раз больше вагонов, чем обычно. В работу по эвакуации включились и транспортные суда, расположенные вдоль Балтийского побережья. Недостаток времени и быстрое продвижение вражеских войск не позволили эвакуировать из этого региона страны много материальных ценностей. Не было вывезено оборудование ряда предприятий металлообрабатывающей, цементной, текстильной промышленности, в частности Рижского электротехнического завода, Кренгольмской и Балтийской мануфактур и др. Эвакуация дольше всего продолжалась в Эстонской ССР, где непосредственные боевые действия развернулись несколько позднее. Она началась по решению Комитета обороны республики в конце июня 1941 г. В соответствии со срочно разработанным планом эвакуации в первую очередь было полностью вывезено оборудование и часть основных производственных кадров машиностроительного завода «Красный Круль», завода № 463 и завода радиоаппаратов «Радио-Пионер». С 15 июля по решению того же Комитета демонтаж производственного оборудования на заводах и фабриках Эстонии был приостановлен, а часть предприятий даже установила это оборудование и приступила к работе по выполнению военных заказов. Перевозки по Эстонской железной дороге были прекращены лишь после того, как 7 августа 1941 г. противник захватил станцию Раквере, перерезав тем самым основную линию Таллин – Нарва.

На западном участке перерезанной линии осталось более 1 тыс. вагонов и 40 паровозов. В эвакуационном отчете Совнаркома Эстонской ССР отмечалось, что **«условия эвакуации были крайне тяжелые из-за нехватки железнодорожного подвижного состава и больших потерь вследствие бомбежек при перевозках морским транспортом. Мобилизация в армию и на фортификационные работы вызвала острый недостаток в рабочей силе при погрузочно-разгрузочных работах»**. И все же за время эвакуации удалось перебросить в тыл значительную часть людей и материальных ценностей: около **13 тыс.** единиц различного производственного оборудования предприятий республики, **65** паровозов и мотовозов, более **6 тыс.** единиц электрооборудования, **750 тыс.** кв. м хлопчатобумажных тканей и т. п. на сумму свыше **600 млн** рублей.

Согласно постановлению Военного совета Северо-Западного фронта от 28 июня 1941 г. началась эвакуация из Ленинграда и области. В первую очередь по указанию местных партийных и советских организаций стали вывозиться старики и женщины с малолетними детьми. Одновременно был организован вывоз ленинградских архивов, импортного оборудования, уникальных станков, агрегатов; началась разгрузка города от ряда оборонных предприятий. В начале июля Отделом военных сообщений штаба главнокомандующего Северо-Западным направлением совместно с начальниками военных сообщений Северного и Северо-Западного фронтов был составлен декадный план эвакуации военного имущества и различных материальных ценностей с территории фронтов. Этот план предусматривал погрузку **600** вагонов в сутки. Как отмечал в своих мемуарах М. Д. Опендик, работавший начальником службы движения Октябрьской железной дороги, погрузка оборудования ленинградских заводов и фабрик проходила тогда **«не совсем организованно. Это объяснялось отсутствием не только достаточного опыта, но и приспособлений для погрузочных работ. И все же на грузовые и сортировочные станции Ленинградского железнодорожного узла, на подъездные пути фабрик и заводов подавались тысячи вагонов и платформ»**.

Массовая же эвакуация ленинградских промышленных предприятий и населения по решению ГКО от 11 июля 1941 г. развернулась после того, как противник овладел Псковом и вышел к р. Луге. Работа Ленинградского узла резко осложнилась. Значительно возрос поток эшелонов с грузами из Прибалтики, со станций Карельского перешейка и других районов. Ход эвакуационных перевозок находился под контролем заместителя председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгина, направленного в Ленинград в качестве уполномоченного ГКО. В первую очередь вывозилось оборудование тех оборонных предприятий, которые не могли в создавшихся условиях выпускать продукцию. Решение ГКО о перемещении в тыл Кировского и Ижорского заводов было вынесено 26 августа 1941 г., однако через два дня по указанию ГКО их вывоз был временно остановлен. В то же время демонтаж и эвакуация других ленинградских предприятий продолжались. Но 29 августа 1941 г. враг перерезал последнюю железнодорожную линию. 8 сентября замкнулось кольцо блокады, и эвакуировать в тыл многих ленинградцев, а также материальные и культурные ценности полностью не удалось. К этому времени из города Ленина было эвакуировано, согласно оперативным сводкам НКПС (с 29 июня по 26 августа включительно), **773 590** человек (в том числе беженцев из Прибалтики и Карело-Финской ССР) и десятки крупных предприятий. Вывоз из Ленинграда населения и оборудования возобновился воздушным путем и через Ладожское озеро, которое использовалось для этой цели и в зимние месяцы. Как сообщал в ГКО Косыгин, только с 22 января по 11 апреля 1942 г. из Ленинграда по льду Ладожского озера удалось переправить на автомашинах и специально оборудованных товарных вагонах **539 400** человек.

Эвакуация из Мурманской области и Карело-Финской ССР была проведена главным образом по Кировской железной дороге, которая на протяжении более чем 1500 км находи-

лась в прифронтовой полосе. Из Советского Заполярья железнодорожники перебазировали в глубокий тыл несколько тысяч вагонов грузов, в том числе все оборудование комбинатов «Североникель» и «Апатит», Кандалакшского алюминиевого завода, Левозерского горнообогатительного комбината, гидростанции Нива-3, часть турбин Туломской ГЭС, Нива-ГЭС-II, рыбокомбинат, часть оборудования судоремонтных заводов Главсевморпути, морского пароходства и судоверфи Наркомрыбпрома. Было также вывезено большое число рабочих и **115** тыс. человек женщин и детей. С территории Карелии были отправлены в тыл почти **90 %** населения, а также оборудование и имущество Онежского завода, слюдяной и лыжной фабрик, Соломенского, Сунского и Ильинского лесозаводов, часть оборудования Кемского и Беломорского лесозаводов, Кондопожского и Сегетского комбинатов, большинство МТС, колхозов и совхозов и т. д.

Эвакуационными перевозками были заняты и железные дороги Кавказа. С 28 октября началось перебазирование «Майкопнефти» и «Грознефти». К 9 ноября 1941 г. с Орджоникидзевской магистрали на Закавказскую железную дорогу поступило **16 208** вагонов с эвакуогрузом, в том числе **10 758** вагонов с промышленным оборудованием и материалами. Почти все грузы направлялись на перевалку в Бакинский порт. Через кавказские магистрали эвакуировались и таганрогские заводы им. Андреева, авиационный им. Дмитрова и «Красный котельщик», Новочеркасский листопрокатный завод им. Буденного, Ростовский завод «Красный Аксай», Краматорский завод тяжелого машиностроения, Новочеркасский станкостроительный завод и другие крупные предприятия.

Как справедливо замечает Куманев, много усилий от транспортников потребовал вывоз хлеба и других продуктов питания из зоны военных действий и прифронтовых районов. К 1 августа 1941 г. по Калининской, Западной, Одесской, Ленинградской, Юго-Западной, Московско-Киевской, Южной и Белорусской дорогам удалось эвакуировать **32 731** вагон с хлебом. А между тем в связи со сбором нового урожая зерновых в западных и южных областях на местах погрузки начали скапливаться целые горы зерна, которые требовалось любой ценой спасти от немецко-фашистских захватчиков. По указанию НКПС вывоз хлеба стал проводиться только маршрутами или укрепленными группами вагонов. На станции массовой погрузки хлеба направлялись руководящие работники дорог. Несмотря на постоянную острую нехватку порожняка, только железнодорожники Сталинской магистрали с начала эвакуации по 1 октября сумели вывезти **35 514** вагонов хлеба. По решению Совета по эвакуации от 5 августа 1941 г. по южным и юго-западным магистралям намечалось эвакуировать также **5385** вагонов сахара, но работники этих дорог обеспечили вывоз к началу сентября не менее **6,5 тыс.** вагонов. Темпы массовых эвакуационных перевозок в осенние месяцы 1941 г., когда противнику удалось захватить около 40 % протяженности сети, были весьма напряженными.

Все возрастающая угроза советской столице вызвала необходимость проведения эвакуации также Москвы и Московской области. Так, уже в первые недели войны развернулась подготовка к перебазированию из столицы на восток двух заводов наркомата судостроительной промышленности. Одновременно была начата довольно широкая эвакуация населения. Следует учесть, что с конца июня через Москву, как важнейший транспортный узел, стал проходить большой поток беженцев из западных районов СССР. На пути этого потока наркоматом внутренних дел были организованы заслоны железнодорожной милиции, которая на близко расположенных к столице станциях вела строгую проверку всех прибывавших лиц. Только в течение одной недели – с 28 июня по 4 июля 1941 г. – ею было задержано для проверки **49 730** человек, из них оказались арестованными по разным причинам – **2116** человек. Одновременно органы милиции изъяли 29 пулеметов, 1026 винтовок, 1260 пистолетов, 223 боевые гранаты, свыше 47,2 тыс. патронов и др. По данным Пассажирского управления НКПС, с 29 июня по 29 июля специальные эвакопоезда вывезли из Москвы **959 530** чело-

век (включая беженцев из прифронтовых областей). Быстрое приближение линии фронта потребовало форсировать эвакуационные мероприятия. 26 июля 1941 г. Совет по эвакуации вынес решение об ускорении эвакуации гражданского населения столицы. Наркомату путей сообщения было предписано с 26 июля по 2 августа ежедневно эвакуировать не менее 64 тыс. человек. Более широкие масштабы эвакуоперевозки из Москвы и Московской области приняли в осенние месяцы 1941 г., когда гитлеровское командование начало операцию «Тайфун» – генеральное наступление на советскую столицу. **«Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии»** ГКО вынес 15 октября постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». На 12 декабря, по данным 24 наркоматов, эвакуацией было охвачено **523** предприятия Москвы и Московской области. На 10 декабря вместе с предприятиями удалось переместить в тыл **564 248** работников промышленности и членов их семей. Общее число эвакуированных москвичей достигло 2 млн человек.

Как отмечает Куманев, несмотря на чрезвычайные трудности, перемещение производительных сил в тыловые районы страны в 1941 г. прошло в целом слаженно и в основном в соответствии с намеченными сроками. Из прифронтовой зоны в течение второго полугодия 1941 г. на восток только по железным дорогам, согласно сводкам НКПС, было вывезено **2593** промышленных предприятия. Однако эти данные нельзя считать сколько-нибудь полными, хотя в отечественной военной историографии и сегодня их постоянно используют в качестве итоговых и даже гордятся ими. Куманев справедливо замечает, что значительную часть перевезенных на восток промышленных объектов составляли нигде не учтенные так называемые бездокументные грузы, спасенные от врага зачастую в «последний час». Между тем на подвергшейся оккупации территории СССР накануне войны действовало 31 850 крупных и средних предприятий. То есть 2593 эвакуированных предприятия составляли лишь ничтожно малую долю из действительно переброшенных и быстро восстановленных в интересах фронта в глубоком тылу производственных мощностей. Однако если бы в восточные районы страны было переведено только 2593 предприятия из 31 850, то никакой военной перестройки советской экономики не получилось бы. Хуже того. Советский Союз войну проиграл бы. Следовательно, вполне закономерно и обоснованно вести речь о куда более масштабной переброске на восток промышленных предприятий, нежели постоянно фигурирующие в исследованиях 2593 предприятия. Хотя бы потому, что производство оружия и боевой техники того периода требовало густой сети весьма разветвленных кооперационных связей между предприятиями. Без этого оно было бы невозможно. Тем более что многочисленные факты и документы свидетельствуют, что в районы новой военно-промышленной базы страны, где создавалось оружие Победы, действительно удалось перебросить подавляющую часть предприятий оборонного комплекса и их оборудования. Без этого не был бы возможен рост производства оружия, боевой техники и боеприпасов уже в 1942 г.

Наиболее полно было перебазировано оборудование военных, машиностроительных, металлообрабатывающих, алюминиевых, химических предприятий, а также турбогенераторы электрических станций, чему помимо других факторов способствовала сравнительная легкость демонтажа и транспортировки этих видов оборудования. В меньшей степени ввиду громоздкости, ограниченности времени и транспортных средств удалось перебросить в тыл котельное оборудование электростанций и основные фонды горной, металлургической и коксовой промышленности, которые в большей своей части состояли из крупных сооружений (шахты, мартеновские и доменные печи, коксовые батареи и т. п.). Лишь в некоторых случаях имела место полная эвакуация металлургических сооружений. Так было, например, при перемещении двух доменных печей Новолипецкого металлургического завода, которые удалось разобрать на части, перевезти на Урал и здесь использовать во время сооружения нового металлургического завода. Из прокатного оборудования в ряде случаев пришлось ограничиться переброской лишь особо важных и технически современных агрегатов.

Кроме приграничных районов Украины, Белоруссии и Прибалтики некоторые материальные ценности не успели вывезти и из ряда областей Российской Федерации. Так, по сообщению Управления НКВД по Смоленской области, здесь оставалось неэвакуированным **«значительное количество продовольствия, зерна и товаров, а также оборудование и сырье ряда предприятий»**. В частности, **«не вывезено все оборудование и продукция 30 льнозаводов»** и **«все имущество, оборудование и сырье смоленских хлебокомбинатов»**. В 20 занятых противником районах осталось 20–22 процента крупного и 18–20 процентов мелкого колхозного скота.

Почти **70 %** перемещенных из России промышленных объектов размещалось на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии и Казахстане. Вместе с перебазированными фабриками и заводами на восток прибыло до **30–40 %** рабочих, инженеров и техников. Всего же по железным и шоссейным дорогам, а также водным и воздушным путям с начала войны до конца 1941 г. было переправлено в тыловые районы более **12** млн человек. Одновременно была осуществлена и операция по спасению от врага ресурсов сельского хозяйства. Колхозы и совхозы восточных районов страны приняли во втором полугодии 1941 г. 2393,3 тыс. голов скота, перемещенного из прифронтовой полосы. Все эвакуоперевозки 1941 г. потребовали одних железнодорожных вагонов более **1,5** млн. Построенные в одну линию, эти вагоны заняли бы путь от Бискайского залива до Тихого океана. Первостепенную роль в осуществлении беспрецедентного в истории перемещения производительных сил сыграл самоотверженный труд коллективов эвакуированных предприятий и учреждений. Люди работали с громадным напряжением, по несколько суток не уходя с эвакуируемых объектов, чтобы своевременно и как можно полнее демонтировать и погрузить оборудование и другие материальные ценности. В прифронтовой зоне это происходило в обстановке постоянных вражеских ударов с воздуха и обстрелов. Нужны были исключительная выдержка, мужество, самопожертвование, преданность делу, чтобы в таких условиях, нередко за несколько часов или дней, сделать огромную, буквально титаническую работу.

Небезынтересно и такое обстоятельство, которому Куманев справедливо уделил повышенное внимание. Процесс перебазирования производительных сил СССР означал не только вывоз в тыловые районы огромных масс населения, промышленного оборудования, ресурсов сельского хозяйства, материальных и культурных ценностей. Не менее важной задачей являлось их рациональное размещение на новых местах в соответствии с военно-хозяйственными интересами Советского государства. Государственные и общественные органы восточных областей страны активно готовились к приему эвакуированных. В центре их внимания постоянно находились вопросы расселения, трудоустройства и бытового обслуживания прибывших из угрожаемых районов рабочих, служащих, колхозников и членов их семей. Примерно треть всех прибывших расселялась в городской местности, а остальные – в сельской.

По указанию ГКО от 1 февраля 1942 г. во всех регионах тыла Центральным справочным бюро при Совете по эвакуации была проведена перепись прибывшего из угрожаемой зоны СССР населения. Можно только поражаться, как в таких экстремальных условиях удалось провести столь сложную и трудоемкую работу. Материалы этой чрезвычайно ценной и интересной переписи, составляющие несколько сотен объемистых папок и долгие годы хранившиеся в секретном архивном фонде, позволяют определить более точную численность эвакуированных в первые месяцы войны, их возрастной и национальный состав, основные профессии, прежние и новые должности и адреса. Изучение материалов указанной переписи позволяет опровергнуть встречающиеся сегодня утверждения о том, что из угрожаемых районов вывозились будто бы преимущественно лица русской национальности и семьи комиссаров, что при ее осуществлении якобы господствовали различные проявления национальной дискриминации, антисемитизма и т. п. Согласно переписи, только

в Закатальский, Ждановский, Имишлинский и Пушкинский районы Азербайджанской ССР было эвакуировано **2745 чел.**, из них: русских – **114 чел.**, украинцев – **65 чел.**, евреев – **2545 человек**. В числе остальных были армяне, татары, молдаване, грузины и даже 13 поляков. В Городской и Дзержинский районы г. Баку из **1067** эвакуированных к 1 февраля 1942 г. прибыло **387** русских, **386** евреев, **168** украинцев, **73** армянина, **5** грузин, **7** азербайджанцев, **11** поляков, **8** татар и представителей некоторых других национальностей. В Дербентском районе Дагестанской АССР из **330** прибывших из угрожаемой зоны было **47** русских, **212** евреев, **43** украинца и **35** болгар, татар и поляков. При эвакуации семьи не разобщались. Жители регионов с умеренным климатом, а также выходцы из южных регионов в северных районах страны не размещались. По данным переписи, Беломорский и Виноградовский районы Архангельской области к началу февраля 1942 г. приняли **2242** эвакуированных из Мурманской области, Карело-Финской ССР и Ленинграда, в том числе русских **1869**, украинцев – **102**, карелов – **201**, мордвы – **26**, белорусов – **15**, татар – **14**, вепсов – **5**, финнов – **5**, башкир – **3**, евреев – **1**, немцев – **1**.

Особое внимание Куманев уделяет искренним проявлениям настоящего интернационализма советских людей. Он, в частности, подчеркивает, что местные жители многонациональных восточных регионов страны в абсолютном большинстве случаев проявляли большое радушие и гостеприимство по отношению к эвакуированным беженцам войны. Они делились с ними своим, зачастую и без того тесным и скудным кровом, одеждой, продуктами, лекарствами и др. Многие сибиряки, уральцы, жители центральных районов, республик Закавказья, Средней Азии и Казахстана брали в свои семьи эвакуированных детей-сирот. Только Узбекистан, где зародилось движение за усыновление эвакуированных детей-сирот, принял 200 тыс. малышей и подростков, оставшихся без родителей. Все они нашли здесь отеческое внимание, приют и заботу. Настоящий гражданский подвиг совершили кузнец из Ташкента Шаахмед Шаахмудов и его жена Бахри, усыновившие и воспитавшие 16 сирот, среди которых были русские, узбеки, чуваша, татары, казахи, евреи и цыгане. Садовод из г. Ош (Киргизская ССР) Иминахун Ахмедов усыновил 13 детей. У этих патриотов нашлось немало последователей. Миллионы трудоспособных советских граждан, спасенных от фашистского геноцида, активно включались в работу для фронта.

По справедливому замечанию Куманева, чрезвычайно важное военно-хозяйственное значение имел скорейший ввод в действие прибывавших в восточные регионы предприятий. От этого во многом зависела успешная перестройка на военный лад народно-хозяйственного комплекса СССР. 29 октября 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление «О графике восстановления заводов, эвакуированных на Волгу, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан». Согласно этому постановлению наркомам оборонных наркоматов и ведущих отраслей тяжелой промышленности предписывалось не позднее 1 ноября 1941 г. представить в Совнарком СССР график восстановления эвакуированных из Москвы, Тулы, Харькова, Донбасса, Ленинграда и других мест заводов. В графике требовалось указать сроки пуска оборудования и выпуска продукции с программой на ноябрь и декабрь 1941 г., а также обеспечения предприятий рабочей силой и инженерно-техническими кадрами.

В постановлении «О порядке размещения эвакуируемых предприятий» ГКО особо указал на то, что в размещении предприятий, подлежащих эвакуации из угрожаемых зон, преимущество должно быть отдано авиационной промышленности, промышленности боеприпасов, вооружения, танков и броневозов, черной, цветной и специальной металлургии, химии. Наркомам предписывалось согласовывать с Госпланом СССР и Советом по эвакуации конечные пункты для вывозимых в тыл предприятий и организацию дублирующих производств. ГКО предложил местным организациям принять необходимые меры для быстрого развертывания восстанавливаемых предприятий. В ряде восточных республик, краев и областей состоялись специальные пленумы райкомов, обкомов и ЦК, собра-

ния партийного советского и хозяйственного актива, посвященные ходу выполнения этой чрезвычайно важной военно-хозяйственной задачи. Однако большинство текущих вопросов, связанных с восстановлением эвакуированных фабрик и заводов, решалось в оперативном порядке на заседаниях бюро и секретарями обкомов по соответствующим отраслям промышленности. Такая практика оправдывала себя, поскольку далеко не везде местные хозяйственные органы проявляли высокую ответственность в этом деле. Как отмечалось, например, в конце сентября 1941 г. на заседании бюро Молотовского обкома ВКП(б), **«на предприятия и в хозяйственные организации... области прибыло и прибывает в большом количестве всевозможное ценное эвакуированное оборудование, станки и материалы. Однако руководители предприятий и учреждений до сих пор не приняли надлежащих мер к сбережению и сохранению государственного имущества, имеются факты, когда это имущество находится безнадзорно, никем не учитывается, хранится на открытых площадках, подвергается порче и поломке».**

Бюро обкома обязало секретарей райкомов и горкомов партии взять под контроль состояние учета, хранение и сбережение эвакуированного имущества и привлекать к строгой ответственности лиц, допустивших порчу или поломку при его хранении. Областные комитеты партии каждую декаду отчитывались перед ЦК ВКП(б) и ГКО о ходе восстановления эвакуированных промышленных предприятий на новых местах. Преодолевая огромные трудности, рабочие и служащие эвакуированных предприятий вместе с трудящимися восточных районов в невиданные сроки, в среднем 1,5–2 месяца, монтировали поступившее промышленное оборудование и вводили его в действие. Быстрое восстановление перемещенных в восточные районы заводов стало возможным в значительной мере благодаря усилиям строителей, их творческой смекалке, смелым техническим решениям. Между тем строить приходилось в невероятно тяжелых условиях. Нередко переброшенные в тыл предприятия начинали свою жизнь буквально на пустом месте. Возведение цехов и монтаж оборудования зачастую проходили одновременно. Работы не прекращались ни днем, ни ночью. Под открытым небом, в непогоду, в лютые сибирские и уральские морозы, при ледяном пронизывающем ветре люди рыли котлованы, строили железные дороги, разгружали поезда, монтировали оборудование.

По данным Куманева, к концу года на новых местах действовали уже многие заводы и фабрики. В различных тыловых районах было размещено **122** предприятия наркомата авиапромышленности, **43** – наркомата танковой промышленности, **71** – наркомата вооружения, **96** – наркомата боеприпасов, **80** – наркомата минометного вооружения, **199** – наркомата черной металлургии, **91** – наркомата химической промышленности, **45** – наркомата цветной металлургии и т. д. Уже в марте 1942 г. промышленность восточных районов с учетом восстановленных здесь эвакуированных предприятий произвела военной продукции столько, сколько в начале войны выпускалось на всей территории СССР. Это ли не величайший подвиг советского народа?! Наряду с этим в связи с ликвидацией непосредственной угрозы столице в конце декабря 1941 г. – первые месяцы 1942 г. была проведена реэвакуация части предприятий центрального промышленного района СССР, в том числе Москвы. Так, уже в начале 1942 г. в Москву было возвращено несколько крупных объектов, в том числе станкостроительный завод «Красный пролетарий». С конца мая 1942 г. военная обстановка вновь вызвала необходимость проведения эвакуации. Правда, она проходила на этот раз на ограниченной территории и в гораздо меньших масштабах. В это время эвакуация проводилась из Ростовской, Воронежской, Орловской, Сталинградской, Ворошиловградской областей и Северного Кавказа.

В соответствии с постановлением ГКО от 22 июня 1942 г. при нем была образована комиссия по эвакуации, куда вошли Н. М. Шверник (председатель), А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, Б. Н. Арутюнов, П. А. Ермолин и В. Н. Меркулов. Опираясь

на опыт по перемещению производительных сил 1941 г., комиссия обеспечила возобновление работы эвакуационных пунктов, эвакуационных баз и эвакуационных комитетов, созданных на местах в первые месяцы войны. В течение лета и осени 1942 г. удалось вывезти из угрожаемых районов оборудование более 150 крупных промышленных предприятий, многие материальные и культурные ценности и сотни тысяч беженцев. Как и в 1941 г., эвакуация позволила спасти для военной экономики СССР значительные производственные ресурсы, которые немедленно подключались к работе для фронта.

Обобщая результаты своих исследований, Куманев указывает, что согласно предварительным результатам изучения данных переписи эвакуационного населения от 1 февраля 1942 г. и по ряду других источников из угрожаемой зоны удалось переместить на восток различными видами транспорта в 1941–1942 гг. около 17 млн человек. Бывший генерал вермахта К. Типпельскирх считал, что «**все население, способное носить оружие, удалось своевременно эвакуировать**», но на фоне 63–65 млн советских граждан, оставшихся на оккупированной территории, такое утверждение представляется явно завышенным. По разным причинам многие наши граждане оказались под фашистским игом.

Свое исследование Г. А. Куманев завершает абсолютно точным выводом, гласящим, что хотя эвакуация в СССР в 1941–1942 гг. и сопровождалась многими, зачастую неизбежными потерями, тем не менее ее главная цель – спасти от фашистских захватчиков миллионы советских граждан, основную часть промышленных и сельскохозяйственных ресурсов и других материальных ценностей – была успешно достигнута.

* * *

Небольшой комментарий. В то же время нельзя не отметить, что было бы глупо отрицать тот факт, что не всегда эвакуация происходила организованно, осмотрительно, с соблюдением всех интересов государства, общества и отдельного человека. Если, например, Сталин искренне заботился о сохранении народного достоинства, то на местах, увы, далеко не всегда ему подражали и выполняли его указания. Чтобы не быть голословным, позвольте привести несколько документальных примеров, содержащиеся сведения в которых долгое время являлись особо секретными, но в настоящее время уже официально рассекречены. Приводимые ниже документы следует рассматривать как сравнительные иллюстрации. Вот, например, как действовал Сталин:

«№ П 34/144 Строго секретно

27 июня 1941 г.

Выписка из протокола № 34 заседания Политбюро ЦК

Решение от 27. VI. 41 г.

144 – о вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней. Алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля.

Утвердить следующее постановление СНК СССР:

“Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Разрешить НКФ СССР, НКВД СССР и Управлению Кремля НКГБ вывезти из Москвы в Свердловск и Челябинск находящиеся в Государственном хранилище драгоценные металлы, драгоценные камни, Алмазный фонд СССР и ценности Оружейной палаты Кремля.

2. Предложить Наркомторгу СССР немедленно сдать НКФ СССР имеющиеся у него, сверх необходимого для реализации количества, запасы драгоценных металлов и драгоценных камней в изделиях, слитках, ломе и монете.

3. Предложить НКПС СССР срочно предоставить в распоряжение НКФ СССР и НКВД СССР необходимое количество вагонов для вывоза указанных в п. 1 данного постановления ценностей.

4. Обязать Наркомлес РСФСР немедленно предоставить Гохрану НКВД СССР необходимое количество тары (ящики) для упаковки.

5. Предложить НКВД СССР и НКФ СССР выделить необходимое количество служебного персонала и воинской охраны для сопровождения и охраны вывозимых ценностей.

6. Обязать НКВД СССР и НКФ СССР всю операцию по вывозу ценностей провести в трехдневный срок.

7. Обязать НКВД СССР изъять в Гохран НКВД СССР изделия из драгоценных металлов и камней, находящихся в музеях и Эрмитаже».

Секретарь ЦК»².

А вот как действовал будущий разоблачитель культа личности Н. С. Хрущев – первый секретарь ЦК КП(б) Украины:

Н. С. Хрущев – Г. М. Маленкову

«г. Киев 9 июля 1941 г.

ЦК ВКП (б) т. МАЛЕНКОВУ

Считаем необходимым более точно определить, когда уничтожать имущество МТС и другое оборудование, которое не может быть вывезено. Вносим следующие предложения:

1. В зоне 100–150 километров от противника местные организации обязаны немедленно приступить к уничтожению всех комбайнов, лобогреек, веялок и других сельскохозяйственных машин. Трактора своим ходом перегонять в глубь страны, остальные трактора, которые не могут быть использованы отступающими частями Красной Армии и которые почему-либо нельзя вывезти в этой же зоне, подлежат немедленному уничтожению.

2. В этой же зоне необходимо немедленно раздавать колхозникам страховые и все остальные зерновые и прочие колхозные фонды.

3. В этой же зоне немедленно приступить к угону всего скота колхозов, совхозов, волов и молодняка лошадей. Рабочие лошади, которые могут понадобиться отступающим частям Красной Армии, подлежат угону тогда, когда противник подошел на расстояние 10–30 километров. Категорически запретить гнать скот по дорогам, где происходит передвижение войск, скот гнать по посевам, по свекле и по дорогам, которые не использует Красная Армия.

4. Свиньи колхозных ферм и совхозов в этой же зоне должны быть забиты. Мясо и сало необходимо передать воинским частям, колхозникам, рабочим в городах, госпиталям, больницам, ученикам ФЗО. Определенное количество свиней подлежит оставлению в этой зоне в живом виде для проходящих частей Красной Армии. Птица колхозных и совхозных ферм в этой же зоне также подлежит раздаче в убойном виде воинским частям, колхозникам, рабочим.

5. В зоне 100–150 километров местные органы власти, по согласованию с военным командованием, сами принимают решение о том, какое именно ценное оборудование, погруженное в вагоны, должно быть уничтожено в эшелонах, вследствие невозможности вывоза его. Таковую директиву военным и местным органам власти надо дать потому, что у нас есть случаи, когда, например, часть эшелонов с ценнейшим грузом, погруженных во Львове, досталась неприятелю, так как этим эшелонам противник перерезал путь.

² АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 424. Л. 11–12. Копия.

6. В зоне 100–150 километров от противника надо уничтожать все ценное оборудование на заводах, хлеб на складах, товары, которые не могли быть вывезенными при вынужденном отходе частей Красной Армии. Секретарь ЦК КП(б) Украины Хрущев»³.

А теперь взгляните на ответ Сталина на приведенное выше паническое послание Хрущева:

И. В. Сталин – Н. С. Хрущеву

«10 июля 1941 г.

14.00

Киев Хрущеву

1) Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта.

Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии и создать, как в армии, так и среди населения, настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу.

2) Государственный Комитет Обороны обязывает вас ввиду отхода войск, и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти, уничтожать, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров.

3) Электростанции не взрывать, но снимать все те ценные части, без которых станции не могут действовать, с тем, чтобы электростанции надолго не могли действовать.

4) Водопроводов не взрывать.

5) Заводов не взрывать, но снять с оборудования все необходимые ценные части, станки и т. д., чтобы заводы надолго не могли быть восстановлены.

6) После отхода наших частей на левый берег Днепра все мосты взорвать основательно.

7) Склады, особенно артиллерийские, вывезти обязательно, а чего нельзя вывезти, взорвать.

8) Что касается эвакуации заводов дальше 70-верстной полосы, где прямой угрозы со стороны противника пока не имеется, то эту эвакуацию осуществлять заблаговременно, вывозя главным образом станки и прочее наиболее ценное оборудование.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин»⁴.

А вот как происходила эвакуация из Литвы.

«Председателю Государственного Комитета Обороны И. В. Сталину

О ПОЗОРНОМ БЕГСТВЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЦК КП (б) ЛИТВЫ И ИХ ПРЕДАТЕЛЬСКОЙ РОЛИ.

В день вероломного военного нападения фашистской Германии на нашу родину, т. е. 22 июня с. г., правительство и ЦК КП (б) Литвы позорно и воровски бежали из Каунаса в неизвестном направлении, оставив страну и народ на произвол судьбы, не подумав об эвакуации гос. учреждений, не уничтожив важнейших государственных документов.

³ АПРФ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 22. Л. 67–68. Заверенная машинописная копия.

⁴ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 59. Л. 10а–10б. Автограф.

В 9 часов 22.VI мы, коммунисты гор. Каунаса, были собраны в горком партии, где и просидели до 23 час. 20 мин. 22.VI, не имея никакой информации ни от руководства горкома, ни от руководства ЦК КП (б) Литвы. В 12.30 слушали выступление Вячеслава Михайловича Молотова по радио, и всем стало ясно, что нам шакал Гитлер навязал войну. Мы ждали решительных мероприятий от правительства и ЦК КП(б) Литвы:

1. Учитывая прифронтовое положение Литвы, правительство и ЦК КП(б) Литвы должны были незамедлительно выступить с экстренным обращением к народу Литвы с разъяснением текущего момента на основе выступления В. М. Молотова.

2. Зная и имея сигналы о ненадежности тыла и многочисленности врагов в Литве (таутенников, шяулистов, ляуденников, вольдемаристов, атейтинников, железных волков и прочих, всех тех, кто составляет пятую колонну), правительство и ЦК КП (б) Литвы обязаны были незамедлительно принять ряд решительных и оперативных мероприятий по усилению и укреплению революционного порядка в связи с навязанной нам войной.

3. К слову, и до войны руководство ЦК КП (б) и правительство Литвы проводили гнилую националистическую политику к врагам народа. Рассматривали шяулистов как безобидных и тихих ягнят. На все донесения в ЦК КП (б) и НКГБ Литвы (см. докладные записки секретарю ЦК КП (б) по кадрам Гридину и НКГБ т. Гладкову) все складывалось под спуд, а нам, коммунистам, присланным ЦК ВКП (б), отвечали: “потихе”, “поосторожней”.

Проведенная операция 14 июня с. г. по выселению и арестам в Литве социально опасных элементов была запоздалой операцией и проведена из рук вон плохо: не подготовлена, не организована, и брали в большинстве случаев второстепенных лиц, а весь контрреволюционный актив, пятая колонна, по существу, осталась нетронутой.

4. Правительство и ЦК КП (б) Литвы обязаны были по всей стране мобилизовать весь партийный, комсомольский и общественно-советский актив, расставить их по важнейшим объектам и ответственным участкам, умело, по-большевистски, руководя последним.

5. Видя угрожающее положение, руководители правительства и партии Литвы обязаны были организовать вывоз детей, женщин и стариков в безопасный тыл, дабы тем самым развязать руки всем тем, кто способен носить оружие и вести борьбу с фашистской гадиной и пятой колонной внутри республики. Однако ничего подобного не было принято. Правительство и ЦК КП (б)

Литвы с первого дня войны вступило на позорный и предательский путь, отсюда и катились дальше по наклонной плоскости. На неоднократные телефонные звонки с мест и из уездов коммунистов в ЦК Лит. компартии и СНК ЛССР нельзя было добиться. Можно подумать, что они были заняты важными государственными делами. Нет! Все руководящие работники ЦК и правительства Литвы были заняты втихомолку организацией вывоза своих семей из Каунаса в Москву, забыв о долге и ответственности перед партией, народом и страной в целом. Уже в 15 часов 22.VI правительство и ЦК КП (б) Литвы формировали транспортный состав классных вагонов для эвакуации своих семей.

Каунас – город небольшой, настороженное население видело караван транспорта правительственных автомашин, идущих на предельной скорости по направлению вокзала, нагруженных женщинами, детьми и чемоданами. Все это внесло деморализацию среди населения, и последние стихийно потянулись к вокзалу.

В 16 часов 22.VI на вокзале можно было видеть такую картину: поголовно все члены правительства, члены ЦК и ответработники ЦК и правительства Литвы во главе с секретарями ЦК и уполномоченным ЦК ВКП (б) и СНК СССР Поздняковым выстроились на перроне вокзала в Каунасе, провожая свои семьи на Москву, будто отправляя их на курорты, единственно, чего не хватало, так это цветов для отъезжающих. И все это происходило на глазах большого скопления людей на вокзале.

В 19 часов 22.VI правительство и ЦК КП (б) Литвы со своим тесным активом на своих автомашинах бесславно и позорно покинули Каунас, держа путь на Двинск. Об этом бегстве знало все население Каунаса, за исключением нас, коммунистов, сидевших в горкоме партии.

Часом позже оставили Каунас НКГБ и НКВД, и вся милиция была снята с постов. Погрузившись на автомашины со всем домашним скарбом (вплоть до кроватей и матрацев), потянулись из города по направлению Утян вслед за правительством. Эта чудовищная картина окончательно внесла замешательство и невообразимую панику среди населения.

В 23 ч. 20 мин. 22.VI первым секретарем Каунасского горкома партии Григолавичусом нам была подана команда (на литовском языке) немедленно двигаться из Каунаса по направлению Утян (здоровые – пешим ходом, больные и слабые – на автомашинах и автобусах).

До этого приказа мы уже были вооружены винтовками, сформированы по группам для охраны важнейших объектов и поддержания революционного порядка. Поданная команда двигаться на Утяны для нас была неожиданной и непонятной, тем более что мы, сидя в горкоме, не знали истинного положения вещей и цели этого марша на Утяны, т. к. мы руководством горкома и ЦК КП(б) Литвы не были информированы. Мы же полагали, что идем на прорыв для установления революционного порядка. Характерно одно, что и руководство горкома унаследовало позорную и предательскую политику ЦК КП (б) Литвы и правительства, а именно:

1. Руководство горкома не дало четкого разъяснения и задания о причинах движения на Утяны.

2. Руководство горкома не возглавило походного движения коммунистов на Утяны, а наоборот, выпроводив коммунистов пешими, сами же руководители поспешили уехать на автомашинах за правительством.

3. Бесстыдно обманули коммунистов, направляя нас пешими, обещав подобрать на автомашины по дороге за городом.

4. Оставив весь низовой партактив (секретарей первичных парторганизаций, парторгов и комсомольский актив) в городе, не дав им никаких заданий и целевых установок, ясно одно, что оставили их без руководства на съедение немецким фашистам.

Итак, не имея ни единого артиллерийского выстрела, не нюхая вражеского пороха, горе-правители и руководители ЦК КП (б) Литвы на первый день войны, в животном страхе позорно бежали, предав партию, предав народ немецкому фашизму. Получается в сто крат хуже, чем поступили печальной памяти бывшие польские незадачливые правители или ныне румынские правители. Уж если нужно было отступить, так надо уметь отступить по-большевистски, организовано, как учил нас Ленин, как неустанно учишь ты нас, т. Сталин, как учит вся история большевизма. А эти жалкие и позорные трусы, предатели народа и страны социализма спасали лишь свою шкуру.

1. Никакой организации не было наведено по эвакуации государственных учреждений, имущества, детей, женщин и стариков. Мирное население в страхе, узнав о предательстве правительства и руководства ЦК КП (б) Литвы, стихийно бежало по всем дорогам и направлениям, спасая свою жизнь. Окрестные населенные пункты и города, видя паническое и беспорядочное отступление из Каунаса, стихийно потянулись за ними, наводняя территорию Латвии, сея среди латышей ненужную панику.

2. Вместо того, чтобы отступить организовано и в порядке вместе с действующей армией, эти руководители Литвы поспешили удрать на машинах первыми, а за ними потянулись милицейские органы, тем самым были развязаны руки контрреволюционным бандам в Литве и пятой колонне в целом во главе с сброшенными парашютными десантами. К тому же Каунас и вся Литва вообще в течение нескольких дней находились без гражданских властей. 23 и 24 июня контрреволюция организовала боевые дружины, привлекая гимназистов 5-го класса, стали патрулировать и задерживать бежавшее население.

3. Как учит история большевизма, надо было направить коммунистов в глубокое подполье для расстройств и подрыва фашистского тыла на занятой им территории. Конечно, нам, коммунистам, присланным ЦК ВКП (б), без знания языка было бы несколько трудней быть в подполье, тем не менее, зная условия местности и людей, мы бы считали за честь разить врага и подрывать фашистский тыл.

4. В беспорядочном и паническом бегстве наши руководители оставили все немцам: электростанции, радиостанцию и узлы, почту, телеграф, типографии, государственные документы и архивы, хлеб, мясо, мясные изделия, скот и т. д. и т. п. Больше того, эти руководители, убегая, оставили ВЧ – прямой провод (по заявлению т. Дмитриевича, работника СНК ЛССР). Большинство из руководителей Литвы страдают местным национализмом, и понятно, почему они проводили гнилую политику. Что касается некоторых руководящих работников, присланных ЦК ВКП (б), к примеру: Гридин, Никитин, Шупиков, Зубов и др. страдают большим подхалимством и безмерной трусостью. Они не только повинны в том, что своевременно не пресекли трусливого паникерства руководителей ЛССР, но и вместе с тем плелись у них в хвосте и позорно бежали с ними.

Конечно, первая скрипка принадлежала уполномоченному ЦК ВКП (б) и СНК СССР Позднякову. Этот человек, проработавший в Литве на руководящей работе в течение 6–7 лет, прижился к вольготной и широкой жизни, притерся, ожирел, потерял большевистское чутье и революционную бдительность. Он растерял все, что у него было коммунистического. Он возглавил весь этот позорный и преступный побег.

Ныне эти позорные правители и руководители скрываются уже на территории СССР, боятся Москвы, боятся партии. Да, они достойны сурового наказания, они должны держать ответ перед партией, перед советским народом.

Причины такого большого прорыва на линии фронта Литвы главным образом можно отнести за счет позорного бегства правительства и руководства ЦК КП(б) Литвы.

Чл. ВКП (б) п/б № 0038302.

7. VII.1941 г. С. Болотский.

Адрес: ул. Горького, д. 14, кв. 32.

Вышеизложенные факты могут подтвердить члены партии, работавшие в Литве: Данилин, Тарасов М. И., Писеев Н. А., Кусков А. А., Дьяконов, Писчелко П. Ф., Дмитриевич, Майский и ряд других.

С. Болотский

II. Вместе с тем прошу отправить меня на фронт для защиты любимой родины. В бышем – пастух и батрак, был добровольцем Красной Армии, политсостав. Ныне инженер-электрик. Здоров, с 1902 года рождения. Советская власть меня взрастила, комсомол меня воспитал, партия большевиков закалила во мне стойкость, решимость и безграничную преданность социалистической родине. За родину, за Сталина я буду драться до последнего вздоха. Приехав в Москву, я не имею в данное время первичной парторганизации, а поэтому я обращаюсь к Вам и прошу уважить меня.

Член ВКП(б) с 1925 г. п/б № 0038302 С. Болотский»⁵.

Сравните этот «героический драп» литовского руководства с тем, как была организована эвакуация из славной Белоруссии:

«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП (б)
товарищу СТАЛИНУ И. В.

⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 460. Л. 73–88. Автограф.

Все наиболее значительные предприятия числом 83 из Белоруссии эвакуированы полностью. Крупные предприятия эвакуировались комплектно: оборудование, материалы, рабочая сила, и уже восстанавливаются в других городах Союза. В числе этих предприятий – станкостроительные заводы, Гомсельмаш, очковая фабрика, паровозоремонтный завод, пресса дельта-древесины (очевидно, пресса для производства авиационной дельта-древесины. – А. М.). Могилевский авиационный завод № 459 эвакуирован в Куйбышев; вывезено более 400 станков, все металлы, инструменты, электромоторы, кабели. Весь состав квалифицированных рабочих и ИТР. Вывезены полностью также Оршанский льнопрядильный комбинат, Кричевский цементный завод, судоремонтные мастерские, труболитейный завод и другие.

Кроме этого большое количество средних и мелких предприятий (спиртзаводы, льнозаводы, кирпичные) и оборудование, и материалы промышленной кооперации.

Из ценного технологического оборудования эвакуировано:

1. Металлообрабатывающих станков 3201

2. Производственно-техническ. оборудования (станки и машины – 9607 единиц), в том числе:

а) текстильные 975 ед.

б) швейные 2650 ед.

в) кожобувные 568 ед.

г) лесообрабатывающей, спичечной и бумажной промышленности 486 ед.

д) трикотажные 4740 ед.

е) прочие 538 ед.

3. турбогенераторов мощностью в 32 тыс. кВт. 18 шт.

4. Электромоторов (без моторов и индивидуальных приводов) 3664 шт.

5. Трансформаторов мощностью в 58 тыс. кВт. 69 шт.

6. Кабель силовой 44 км

7. Цветных металлов 842 тонны

Ценой огромных усилий, в сложной обстановке, удалось вывезти пресса Микашевичского завода дельта-древесины. Они уже установлены в другом месте и работают.

ЗЕРНОПРОДУКТЫ

1. Было зернопродуктов в БССР 151 475 т. В том числе – муки 67 913

2. Отгружено в Ярославскую, Московскую и другие области 44 765

3. Уничтожено 42 500

4. Передано воинским частям 10 350

5. Использовано на снабжение областных и райцентров 26 115

6. Оставшееся зерно в тылу у противника (об уничтожении которого не донесено) 27 745

ЭВАКУИРОВАНО СКОТА, ТРАКТОРОВ И КОМБАЙНОВ

1. Эвакуировано скота всех видов – всего 600 000 голов. В том числе: крупного рогатого скота 340 000

2. Эвакуировано тракторов 4 000. Кроме того, передано РККА 300

3. комбайнов 400

4. молотилок 150

Эвакуация комбайнов, тракторов, хлеба продолжается.

АРХИВЫ И ЦЕННОСТИ

Полностью эвакуированы денежные знаки и ценности Белорусского отделения Госбанка в Минске и у 9 областных банков (о Бресте сведений нет). То же относится и к сберегательным кассам.

Центральный партархив КП (б) Белоруссии вывезен полностью и находится в Уфе. Секретный архив, учетные дела парткадров также полностью вывезены.

Из 212–201 горкомов и райкомов КП (б) Б учетные партийные карточки и другие секретные материалы эвакуировали, и они направлены для хранения через ЦК ВКП(б). Один райком сжег документы на месте, в трех райкомах документы остались, и о семи нет сведений.

Архивы НКГБ и НКВД эвакуированы также полностью.

Многие наркоматы и Президиум Верховного Совета БССР секретные архивы уничтожили.

Минские предприятия не эвакуированы вследствие перехвата коммуникации врагом, разрушений и общего пожара города в результате бесперывных бомбардировок.

Станкостроительный завод Кирова разгромлен и сожжен в первые же дни целиком. На заводе им. Ворошилова оборудование испорчено.

Архив Совнаркома БССР и ряда наркоматов остался в Минске и не уничтожен. Получилось это из-за преступной растерянности, проявленной работниками и председателем СНК БССР. Друг другу поручали вывезти или сжечь и не проследили. Сейчас дело расследуется. Мною был послан отряд 27.VI.1941 г. для уничтожения, но пробраться в Минск уже не мог.

Эвакуация продолжается даже из занятых немцами областей. Колхозники через Полесье выгоняют к нам скот.

Секретарь ЦК КП (б) Белоруссии Пономаренко».

№ 447/ф

18. VII. 1941 г.⁶

А теперь посмотрите, как драпали руководители Одессы.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Перед нашей страной нависла угроза германского фашизма, вероломно напавшего на нашу родину. Фашизму не будет пощады! Мы, советские патриоты, отомстим германскому фашизму за кровь наших братьев, жен и детей. Сломит германский фашизм свои собачьи зубы о наш советский стальной кулак.

И вот, когда перед нами нависла такая угроза со стороны агрессора, вероломно напавшего на нашу родину, где пришлось нам оставить на время города и села, принадлежавшие нашей стране, мы, партийные и беспартийные большевики, не должны бросаться в панику, мы должны поднимать дух в народе на разгром германской фашистской собаки.

Мы должны бороться до последнего дыхания, защищая каждую пядь нашей родной земли. Но есть ряд партийных и советских организаций, которые не учли важности данной обстановки, создают панику внутри страны.

Руководители Одесской области создали не только панику в гор. Одессе, но и по всей области. Начали эвакуацию почти всего населения еще 22-го июля 1941 года, оставив на полях тысячи гектар нескошенного и неубранного хлеба, с обильным, небывалым урожаем, где угроза нашествия врага еще была на сотни километров от Одесской области, можно было убрать хлеб и зерно вывезти в глубокий тыл страны. Но прежде чем поднимать дух народа, ряд членов партии брали государственные и колхозные деньги и уезжали на машинах в глубь страны.

⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 426. Л. 15–18. Подлинник.

Много работников торгующих и финансово-банковских организаций г. Одессы, не отчитавшиеся перед своими организациями и не получившие путевки на выезд, ограбив магазины и другие учреждения, первым делом умчались на машинах в г. Мариуполь. Ряд случаев, когда в Мариуполе у беженцев из Одессы обнаруживали по 20–30 и больше тысяч рублей денег. Ведь такие деньги честным трудом иметь нельзя.

Выгоняемый скот с колхозов Одесской области также без учета, на произвол судьбы брошен и перегонялся на Мариуполь. Для групп дойных коров не позаботились предоставить походные агрегаты с необходимым оборудованием и посудой, чтобы можно было производить дойку коров и выработать масло и творог и по пути сдавать в любом населенном пункте заготовительным или торгующим организациям. Этого не проделывалось, и дойные коровы в дороге портились, а наша страна в продуктах нуждается. Много людей, бежавших отсюда, бродит без учета. Наблюдались еще такие факты, что ряд тех жуликов, набивших карманы деньгами, забирали свои семьи и имущество свое грузили на машины и уезжали, даже собачек комнатных брали с собой и ехали под зонтиками, а тысячи 14-летних учеников школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ шли пешим строем, заливаясь потом и слезами от жары.

Вот на основании этого народ ропщет, а иногда и говорят – значит, у кого карман с деньгами, тот едет на машине, а дети-школьники должны идти пешеходом.

Приехав в Мариуполь, ряд жителей Одессы, кому удалось присвоить товары и деньги, кричат во все горло – мы пострадавшие, мы беженцы, а этим моментом по спекулятивным ценам продают товары на рынке. Вот таких людей, которые не получили расчета в учреждениях и не отчитались перед учреждениями, а была возможность, надо беспощадно их уничтожать.

Ведь сейчас наши братья проливают кровь на фронтах Отечественной войны, а паникеры и дезертиры создают панику и разлагательство. С таким народом надо будет беспощадно вести борьбу.

Заканчивая на этом, я хочу сказать, может быть, я и неверно рассуждаю по своей малограмотности, может быть, я глубоко ошибся, но я советский гражданин, если надо будет, то и жизнь отдам за советскую родину, и я решил написать своему родному правительству и открыть все наболевшее.

Ведь об этом письме знаю я один, да Вы, если его получите, будете знать, да четыре стены, в которых я писал. Если я этим письмом нанес политическую ошибку, то пусть меня советский закон покарает жестоко.

18 августа 1941 г.

И. Ковалев

Мой адрес: Сталинская область, город Мариуполь, х. Бердянский, п/я № 86, с/х артель им. М. Горького. Ковалев Иван Иванович⁷.

Однако не надо думать, что в центральных партийных органах ситуация была лучше. 21 октября 1941 г. заместитель начальника первого отдела НКВД СССР старший майор госбезопасности Шадрин направил своему начальнику заместителю наркома внутренних дел СССР, комиссару госбезопасности 3-го ранга В. Н. Меркулову рапорт.

Прочитав этот документ, он написал резолюцию: «Послать т. Маленкову». В тот же день рапорт Шадрина был передан Г. М. Маленкову, который ознакомил с ним руководство ВКП(б) и, конечно же, Сталина.

⁷ АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 461. Л. 84–86. Заверенная машинописная копия.

«После эвакуации аппарата ЦК ВКП(б), – говорилось в рапорте старшего майора госбезопасности, – охрана 1-го отдела НКВД произвела осмотр всего здания ЦК. В результате осмотра помещений обнаружено:

1. Ни одного работника ЦК ВКП(б), который мог бы привести все помещение в порядок и сжечь имеющуюся секретную переписку, оставлено не было.

2. Все хозяйство: отопительная система, телефонная станция, холодильные установки, электрооборудование было разбросано.

3. Пожарная команда также полностью вывезена. Все противопожарное оборудование было разбросано.

4. Все противохимическое имущество, в том числе больше сотни противогазов «БС», валялись на полу в комнатах.

5. В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос. Многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная, директивы ЦК ВКП (б) и другие документы.

6. Вынесенный совершенно секретный материал в котельную для сжигания оставлен кучами, не сожжен.

7. Оставлено больше сотни пишущих машинок разных систем, 128 пар валенок, тулупы, 22 мешка с обувью и носильными вещами, несколько тонн мяса, картофеля, несколько бочек сельдей, мяса и других продуктов.

8. В кабинете товарища Жданова обнаружены пять совершенно секретных пакетов.

В настоящее время помещение приводится в порядок. Докладываю на Ваше распоряжение»⁸.

Все вышеприведенные архивные документы настолько красноречивы, что комментарию не требуются. Как, впрочем, и остальное содержание вышеприведенного анализа упомянутых мифов.

Миф № 4. В годы войны не было единства тыла и фронта, все делалось из-под палки.

Миф № 5. Сталинская экономика не выдержала испытания войной.

Честно говоря, установить, кто же «сработал» первый из указанных мифов, не представлялось возможным. Но, к глубокому сожалению, миф существует и периодически используется отдельными «деятелями» от Истории. К не меньшему сожалению, «адекватно» этому мифу о великой работе тыла и его астрономическом вкладе в нашу Победу у нас знают разве что отдельные пафосные выражения. Между тем без единства фронта и тыла первый ни при каких обстоятельствах не смог бы выиграть войну. Подчеркиваю, что воюют-то не армии – они только убивают друг друга. Воюют экономики, а это и есть тыл, без которого фронт не может прожить и дня. И потому для начала позвольте внести некоторую ясность в эту тему.

«Творцы» первого из указанных мифов обычно пользуются, причем, что далеко не редкость, отнюдь не сознательно, одним малоизвестным широкой публике обстоятельством. Оно связано с самим понятием тыла в разные периоды войны. На это особое внимание обратил в свое время авторитетный отечественный историк Ю. А. Поляков, который, в частности, отмечал, что «дело, прежде всего, в том, что применительно к истории Отечественной войны территориальное определение всего тыла не было и не могло быть постоянным,

⁸ АПРФ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

стабильным, однозначным. Что же касается отдельных регионов, то одни (Восточные районы) все годы войны свое определение сохраняли, а в других (преобладающая часть европейской территории СССР) оно, напротив, постоянно менялось. Это, разумеется, меняло границы тыла в целом. А положение в различных тыловых районах отличалось коренным образом. В самом деле, как можно объединить одним, равнозначным понятием «тыл» Ленинград, где в 1941–1943 гг. противник находился в предместьях города, или Москву осени 1941 г., оцетинившуюся противотанковыми «ежами», перекрывшую улицы баррикадами, с районами за Уральскими хребтом, с оазисами Средней Азии, со всеми теми городами и селами, «где не было затемнения»? Понятие «тыл» в территориальном смысле требует конкретно-исторического, дифференцированного рассмотрения. Это совсем не простой вопрос. Своеобразие военных действий было таково, что обстановка менялась на протяжении недель, дней, а иногда и часов. Места, еще недавно отдаленные от фронта, становились прифронтовыми, а затем и прямой ареной боевых операций.

Первоначальное отступление советских войск сменилось в декабре 1941 г. наступлением, длившимся до весны 1942 г. Новое наступление фашистских армий, начавшееся летом 1942 г., привело к новому изменению в соотношении фронта и тыла. А после Сталинграда и Курской дуги, когда развернулось освобождение временно оккупированных врагом территорий, эти районы на какое-то время оказывались прифронтовыми, а затем по мере продвижения наших войск на запад все больше и больше превращались в тыловые. Поэтому определение понятия «тыл» не может быть абстрактным, оно обязательно должно сочетаться с выяснением обстоятельств времени и места. На наш взгляд, следует различать понятия «глубокий тыл», «средний тыл», «близкий (или ближний) тыл» и «прифронтовой тыл» или «непосредственный тыл». При этом применительно к различным этапам войны территориальное содержание каждого из этих понятий существенно менялось.

...Для первого этапа войны (с июня по декабрь 1941 г.) **глубокий тыл** составляли районы Урала и Приуралья, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Казахстана, Закавказья (в первые недели войны глубоким тылом являлось и Поволжье). Эти районы, находившиеся вне воздействия вражеской авиации, стали (прежде всего Урал, Сибирь, Казахстан, Среднеазиатские республики) главной кузницей страны. Известное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 г., одобрявшее военно-хозяйственный план на IV квартал и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии⁹ предусматривало, как очевидно из перечня регионов, прежде всего глубокий тыл и частично средний (Поволжье). О первоочередном развитии в глубоком тылу предприятий оборонного назначения говорили и другие партийные и правительственные постановления (постановление Политбюро ЦК, принятое в ноябре 1941 г., «О развитии черной металлургии на Урале и в Сибири в 1942 году», постановление СНК СССР от декабря 1941 г. «О развитии добычи угля в восточных районах СССР» и др.)¹⁰. Сюда шел главный поток эвакуированных предприятий и населения. Как известно, во второй половине 1941 г. в тыл было эвакуировано полностью или частично 1523 предприятия. Из них 667 было размещено на Урале, 322 – в Сибири, 308 – в Казахстане и Средней Азии¹¹. Здесь сооружались новые фабрики, заводы, стремительно росло производство. Несколько иным было положение дальневосточных районов. Наиболее отдаленные от линии фронта, они в то же время являлись форпостом Родины на восточных рубежах, где империалистическая Япония не оставляла мысли о нападении на СССР. Дальневосточные районы наращивали производство, но новое промышленное строительство носило сравнительно ограниченный характер. Развитие каждого из районов

⁹ История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1975, т. 4, с. 133.

¹⁰ История КПСС. М., 1970, т. 5, кн. 1, с. 297–299.

¹¹ См. № 9, с. 140.

глубокого тыла в первые месяцы войны характеризовалось рядом особенностей, в общем, неплохо изученных в... историографии. Без глубокого тыла с его мощнейшим потенциалом Советский Союз был бы после потерь лета и осени 1941 г. обречен на поражение.

Средний тыл включал в 1941 г. большинство районов Поволжья, Северного Кавказа, Европейского Севера, восточную часть европейской России. Эти районы были в зоне досягаемости вражеской авиации (и ряд железнодорожных узлов и промышленных объектов подвергался атакам с воздуха), линия фронта постепенно становилась ближе (некоторые из них в дальнейшем, в 1942 г., были захвачены врагом и стали зоной военных действий), но в 1941 г. для них не было прямой угрозы со стороны гитлеровских войск. Волжские города Ярославль и Горький, Ульяновск и Казань, Куйбышев, Саратов, Сталинград, Астрахань, такие центры Европейской России, как Иваново, Владимир, Муром, Пенза, Тамбов, северные города – Вологда, Киров, а также города Северного Кавказа приняли часть эвакуированных с запада предприятий и населения. (В Поволжье во второй половине 1941 г. было эвакуировано 226 предприятий¹², то есть около 15 % от общего числа перебазируемых на Восток заводов и фабрик.) Здесь формировалась и сосредотачивалась значительная часть стратегических резервов Красной Армии. 5 октября 1941 г. ГКО решил сформировать девять резервных армий на Волжском рубеже¹³. Во всех этих районах в неослабевающем темпе развертывалось военное производство. Трудно переоценить значение большинства из них в производстве оружия и боеприпасов для фронта на протяжении всей войны и в особенности в ее первые месяцы. В ряде работ Поволжье упоминается или рассматривается применительно к 1941 г. как единый тыловой регион¹⁴.

Однако нельзя забывать, что осенью 1941 г. возникли существенные различия в военно-стратегическом положении отдельных областей и районов Поволжья. Районы Верхнего Поволжья (Ржев, Калинин) были захвачены врагом, а ряд других областей оказались в зоне возможного продвижения фашистских войск. Н. С. Патоличев, являвшийся тогда секретарем Ярославского обкома ВКП(б), пишет, что такая ситуация возникла в октябре 1941 г. после взятия Калинина (Тверь – А. М.), применительно к Ярославской, Костромской, Ивановской, Горьковской областям. В Ярославской области, например, сооружались оборонительные рубежи, был создан Комитет обороны, предпринимались другие меры на случай приближения противника¹⁵. Этот пример еще раз показывает сложность и относительность классификации тыловых районов в условиях непрерывно и быстро передвигающейся линии фронта.

Эта сложность особенно наглядна на примерах районов близкого (ближнего) тыла. Близкий тыл – это районы, находящиеся в зоне возможного продвижения противника. Враг еще не создал непосредственной угрозы, но его приближение сделало эту угрозу вероятной, поэтому следовало готовиться к ее отражению. К осени 1941 г. вражеское наступление превратило многие районы, летом являвшиеся средним тылом, в близкий тыл. К их числу можно отнести, например, упоминавшийся Ярославль, а также расположенные к югу и юго-востоку от Москвы Рязань, Воронеж. В этих районах с особой напряженностью ковалось оружие для фронта, с особой напряженностью потому, что накладывала свой отпечаток задача возможной непосредственной их обороны.

Наконец, ряд районов можно отнести к непосредственному тылу. Это – те районы, которые подвергались прямой, непосредственной угрозе вражеского захвата, которые вели

¹² См. № 9, с. 140.

¹³ Самсонов А. М. Москва в октябре 1941 года // История СССР, М., 1981, с. 5, 69.

¹⁴ Кстати говоря, именно с этим связан один из расхожих мифов о Великой Отечественной войне – миф о том, что в начале войны Сталин приказал осуществить незаконное выселение немцев Поволжья, о чем говорится в анализе соответствующего мифа.

¹⁵ Патоличев Н. С. Испытание на зрелость. М., 1977, с. 126, 131, 135, 136.

оборону, выдерживая натиск противника или осаду с его стороны. Здесь главные усилия партийных организаций, всех трудящихся сосредотачивались для отпора врагу, для осуществления защиты города, района. Сосредотачивая силы на строительстве оборонительных рубежей, создании новых боевых отрядов, укреплении ПВО, трудящиеся в то же время, несмотря на проводимую в больших или меньших масштабах эвакуацию, продолжали работу на фабриках и заводах. Самыми яркими примерами непосредственного тыла могут служить Москва, Тула во время обороны этих городов осенью 1941 г. Совершенно особое место занимают города, державшие оборону и оказавшиеся в жесткой блокаде, – Одесса, Севастополь, Ленинград.

В ходе контрнаступления советских войск (декабрь 1941 г. – апрель 1942 г.) произошли определенные изменения. Ранее захваченные врагом, а теперь освобожденные города и районы снова стали тыловыми. Тихвин, Калуга, Калинин, Ростов-на-Дону оказались в зоне близкого советского тыла. Перед освобожденными районами во весь рост встали задачи ликвидации ущерба, нанесенного вражеской оккупацией при одновременной интенсивной работе на помощь фронту. Москва и Тула перестали быть обороняющимися городами, зоной непосредственного тыла. Отдаление линии фронта позволило Рязани и некоторым другим районам перейти из зоны близкого тыла в зону среднего тыла.

Некоторые существенные изменения в соотношении районов советского тыла произошли летом 1942 г. Врагу удалось снова захватить Ростов-на-Дону, оккупировать нижнюю и большую часть среднего течения Дона, большую часть Северного Кавказа, прорваться к Волге на юге. Сталинград, в конце 1941 г. находившийся сравнительно далеко в тылу, стал осенью 1942 г. местом ожесточеннейших боев, продолжавшихся до февраля 1943 г. Непосредственно на линии фронта оказались и такие города, как Новороссийск, Воронеж. Во время боев за Сталинград районы, примыкавшие к нему с юга, севера и востока, превратились в близкий тыл. Например, в Западно-Казахстанской области (с 1962 г. – Уральская область) в контакте с командованием Сталинградского фронта проводилась подготовка к обороне, в частности, намечалось создание шести оборонительных рубежей. Восточные районы Северного Кавказа стали районами близкого, а некоторые (Орджоникидзе¹⁶, Грозный) – непосредственного тыла. Это относится и к Черноморскому побережью Северного Кавказа. Близким тылом стали и многие районы Закавказья.

С конца 1942 – начала 1943 гг. положение стало быстро и кардинально меняться. Нет надобности... проследить все этапы изменений. Это несложно сделать, поскольку наука располагает всеми необходимыми данными и датами о продвижении фронтов, об освобождении ранее оккупированных врагом территорий. С лета 1943 г. после победы на Орловско-Курской дуге освобождение пошло еще более быстрым темпом. В марте 1944 г. советские войска вышли на государственную границу в районе реки Прут. После победы в Белоруссии советские войска вышли за пределы Советского Союза, вступив на территорию Польши. К началу 1945 г. почти все территории страны (за исключением оставшегося в руках фашистов плацдарма в Курляндии) были освобождены. Война завершалась за рубежами СССР. Ранее находившиеся во вражеском тылу территории, став на какое-то время (в большей или меньшей степени) местом боевых действий, пройдя этап близкого тыла, превратились в тыл глубокий.

...Такая поразительная по своему трагическому динамизму, длившаяся почти два года (июнь 1941 – февраль 1942 гг.) начальная стадия войны, такое стремительное изменение положения отдельных регионов на огромной территории от Прута, Дуная, Западного Буга до Волги и обратное движение Советской Армии от Москва-реки, Терека, Дона, Невы

¹⁶ Ныне Владикавказ.

и Волги к Висле вели к калейдоскопической смене конкретных задач, стоявших перед регионами. От проблем налаживания военной экономики к проведению эвакуации, а затем, по мере продвижения противника, к уничтожению оставшегося промышленного потенциала, сооружения оборонительных сооружений. От налаживания элементарных жизненных условий в освобожденных городах к реэвакуации, началу восстановления промышленности и жилищ, организации сельхозработ и т. п.»¹⁷.

И тем не менее, при всем трагическом динамизме калейдоскопических изменений в тылу, советский тыл, где бы он ни находился, работал с потрясающей, фантастически невиданной эффективностью, обеспечивая фронт всем необходимым. Где бы тыл ни находился, как бы он ни назывался, какой бы статус он ни имел, но за годы войны **«...воины тыла приняли от народного хозяйства и доставили в действующую армию... миллионы единиц различного вооружения и боевой техники, более 10 млн т боеприпасов, около 16,4 млн т горючего и огромное количество других материальных ценностей. Только автомобильным транспортом перевезено 145 млн т снабженческих грузов. Военские железнодорожные перевозки превысили 19 млн вагонов, что эквивалентно почти 300 млн т грузов»**¹⁸. **Вы только вдумайтесь в эти астрономические масштабы! Осознайте вселенский масштаб поддержки фронта тылом! И тогда наверняка вы с порога будете отмечать любые мифы на тему об отсутствии единства фронта и тыла! Потому как никому не дозволено оскорблять подвиг тыла во имя Победы!**

Потому что в течение войны, но прежде всего в период с 1942 по 1944 г. советская промышленность в среднем ежегодно выпускала **126,6** тысячи орудий всех видов и калибров, **25,8** тысячи танков и САУ, **28,2** тысячи боевых самолетов, **102,1** тысячи минометов, **3,3** млн винтовок и карабинов, **417,9** тысячи пулеметов всех видов. В Германии же, которая в период войны из-за концентрации в своих руках экономической мощи всей Западной и Центральной Европы производила в **2,1** раза больше электроэнергии, выплавляла чугуна и стали в **3,7** раза больше, добывала угля в **4,3** раза больше, чем Советский Союз, ежегодно в среднем производилось:

- **87,4** тыс. орудий всех калибров;
- **11,7** тыс. танков, САУ и штурмовых орудий;
- **21,6** тыс. боевых самолетов;
- **21,9** тыс. минометов;
- **2,2** млн винтовок и карабинов;
- **296,4** тыс. пулеметов всех видов.

Уступая нацистской Германии в выпуске важнейших видов базовой промышленной продукции, Советский Союз чрезвычайно эффективно использовал каждую тонну металла и топлива, каждую единицу станочного оборудования. **В расчете на 1 тысячу тонн выплавленной стали на оборонных заводах производилось в 5 раз больше танков и артиллерийских орудий, а на 1 тысяче металлорежущих станков – в 8 раз больше самолетов, чем в германской индустрии.**

Не могу не обратить внимания и на организованную Сталиным систему высокоэффективной, экономически выгодной утилизации подбитой трофейной техники и стреляных гильз (орудийных). В результате за весь период войны трофейные команды собрали **24 615** немецких танков и самоходных артиллерийских установок, **68** тысяч орудий и **30** тысяч минометов, более **114** миллионов снарядов, **16** миллионов мин, **257** тысяч пулеметов, **3** миллиона винтовок, **2** миллиарда винтовочных патронов и **50** тысяч автомобилей. Общий вес

¹⁷ Поляков Ю. А. Историческая наука: Люди и Проблемы. М., 1999, с. 200–205.

¹⁸ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. М., 1977, с. 5.

трофейного металла составил свыше **10** миллионов тонн. Только в 1943 г. стреляных оружейных гильз было собрано на сумму **738** млн рублей, выплачено – **38** млн рублей. За указанный год экономия только латуни составила свыше **100 000** тонн. Даже в 1945 г. гильз было собрано на **799** млн рублей. **Трофейный металл всю работу на нашу Победу!**

А какое гигантское значение в годы войны имели такие факторы, как материальная заинтересованность, колоссальное развитие фундаментальных наук, бурный всплеск изобретательства и рационализаторства. Все это поворачивало производство оружия и боевой техники к резкому удешевлению. Причем при снижении себестоимости продукции в одном месте волна эффективности пробегала по всей технологической цепочке. Интересы потребителя (воюющей армии) и производителя (оборонки) полностью совпадали. Это блестяще проявилось в военные годы. Так, если бомбардировщик «Пе-2» в 1941 г. стоил **420** тысяч рублей, то к 1945 г. – всего **265** тысячи рублей. Или, например, прекрасно отработанный в серийном производстве еще с 1937 г. бомбардировщик «Ил-4» в 1941 г. стоил **800** тысяч рублей, а к 1945 г. – всего **380** тысяч рублей. Снижение стоимости более чем вдвое в условиях тотальной войны! Возьмите стоимость легендарного танка «Т-34»: в 1941 г. он стоил **269,5** тысячи рублей, а к 1945 г. – всего **142** тысячи рублей. И это с учетом многочисленных модернизаций! Принятая на вооружение еще в 1938 г. гаубица «М-30» в 1941 г. стоила **94** тысячи рублей, а к 1945 г. – всего **35** тысяч рублей. Сокращение без малого в три раза! В условиях такой войны! Или тот же знаменитый пистолет-пулемет «ППШ», который в 1941 г. стоил **500** рублей, а в 1945 г. – **148** рублей, то есть более чем в три раза дешевле! И все ведь в условиях войны! Наконец, стоимость донельзя отработанной в серийном производстве легендарной русской трехлинейки – знаменитой винтовки Мосина, которая и в 1941 г. стоила-то всего **163** рубля, уже в 1943 г. составляла **100** рублей! Вновь подчеркиваю, что все это было достигнуто в условиях тяжелой тотальной войны! Причем прежде всего только за счет умелого хозяйствования! Никогда более экономика Советского Союза, тем более в постсталинское время, столь эффективно не работала. А западная экономика за всю войну и тем более за весь послевоенный период так и не смогла превзойти эффективность советской экономики. И это притом, что они даже авианосцы клепали как сосиски на конвейере. Вот так-то!

Так что говорить о том, что не было единства тыла и фронта, что советская экономика не выдержала испытания войной, – нет ни малейшего основания. В том числе и потому, что Советская Армия водрузила Знамя Победы над рейхстагом, а не вермахт водрузил свой поганый штандарт над Кремлем. Советская Армия именно потому водрузила Великое Знамя Победы над рейхстагом, что за ее спиной стояла могучая советская экономика, прежде всего наимогущественнейший военно-промышленный комплекс, который, работая в условиях разного тыла, обеспечивал фронт всем необходимым. Причем даже в самое трудное время – в первом полугодии войны. Из обзора немецкого генштаба о положении дел на фронтах по состоянию на 1.12.1941 г.:

«Неожиданным оказалось не количество соединений, которое можно было создать при таких больших людских ресурсах страны, а наличие запасов оружия, техники и обмундирования. Танков и орудий СССР имел больше, чем любая страна мира. Русская промышленность в своем развитии шагнула так далеко, что даже после утраты важных районов она оказалась в состоянии производить самое необходимое для нужд войны».

Так что адептам антисталинизма давно пора заткнуться и более на эту тему не выступать. Ибо любой факт на эту тему – смертоносное оружие для их лжи. Даже письменное свидетельство бывшего врага!

Миф № 6. Основу советской экономики в войну составлял ГУЛАГ и репрессии против занятых в промышленности рабочих.

Как и в целом тема ГУЛАГа, так и его роль в годы войны – любимая тема антисталинистов. Как только они не упражняются на эту тему – только и остается, что диву даваться! Пользуются тем, что раньше об этом было не принято говорить. Ну что ж, коли так, то и мы не будем особенно стесняться, и по мере возможности расскажем правду о ГУЛАГе в годы войны. Подлинная правда о вкладе ГУЛАГа в нашу Победу не менее смертоносна для этих негодяев от Истории. И говорить о ней надо, потому что и это было. И от этого никак не отмахнешься.

Итак, если откровенно, ГУЛАГ действительно сыграл значительную роль в годы Великой Отечественной войны. Любопытно, что еще приказом по НКВД СССР № 00767 от 12 июня 1941 г. в действие был введен мобилизационный план для предприятий ГУЛАГа и Главпромстроя по производству боеприпасов. В производство запускались: **50-мм мина, 45-мм картечь и ручная граната РГД-33**. Прежде всего этот приказ любопытен тем, что наглядно свидетельствует о заблаговременной подготовке НКВД СССР к войне. Но это одна сторона медали. Вторая куда более существенна. Обратите внимание на то, какие боеприпасы полагалось производить в первую очередь. **Это боеприпасы прежде всего оборонительного боя – ручные гранаты, 45-мм картечь, 50-мм мины (главным образом осколочные)**. Ручные гранаты используются лишь в ближнем бою – одновременно как для выбивания живой силы противника, так и его танков. Картечь используется артиллерией для массового поражения живой силы противника в случае его наступления. Тем более что в приказе речь шла о **45-мм картечи**, то есть для знаменитых «сорокопятки» – самой массовой пушки РККА того времени, в том числе и в стрелковых дивизиях. **50-мм мины** предназначены для **50-мм миномета Шавырина** и тоже использовались в оборонительных боях. **Все это к тому, чтобы еще раз показать, что советское руководство ни к каким наступательным войнам не готовилось! Ведь глава НКВД СССР – Лаврентий Павлович Берия – к тому времени уже несколько месяцев являлся первым заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР. То есть первым вице-премьером, если по-современному. А главой Советского правительства с 6 мая 1941 г. являлся Иосиф Виссарионович Сталин!**

По состоянию на 1 января 1941 г. в лагерях и колониях насчитывалось **1 929 729 чел.** (непосредственно к 22 июня 1941 г. за ГУЛАГом числилось **2 300 000 чел.**¹⁹) заключенных, в том числе примерно **1680 тыс.** мужчин трудоспособного возраста. Кстати говоря, в этот период времени общая численность рабочих в народном хозяйстве СССР составляла **23,9 млн человек**, а рабочих промышленности – **10 млн человек**. То есть заключенные ГУЛАГа трудоспособного возраста составляли примерно **7 %** от общей численности рабочих в Советском Союзе.

Прошу обратить на это особое внимание. И вот почему. Приведенная выше цифра **7 %** беспристрастно свидетельствует о том, что ни при каких обстоятельствах эти **7 %** просто физически не смогли бы заменить собой всю советскую экономику как таковую. Это к тому, что суть мифов о ГУЛАГе в войне вечно сводится к тому, что экономика СССР тогда держалась на заключенных ГУЛАГа. Да, их вклад существенен, а в ряде случаев и велик, и никто этого ни отрицать, ни забывать не собирается. Однако же утверждать, что указанное выше количество заключенных, а ведь далеко не всегда оно было именно таким, сыграло решающую роль в годы войны в производстве вооружений – попросту бессовестно и подло.

¹⁹ Необходимо иметь в виду, что далеко не все из них находились непосредственно в местах заключения. Немалая часть из них, формально числясь осужденными и причисленными к ГУЛАГу, оставалась на свободе, работала на своих же предприятиях, но выплачивала определенные штрафы за те или иные нарушения предвоенных экономических законов.

А многомиллионная армия рабочих, в том числе женщин и подростков, в таком случае что делала? Дружно в носу ковыряла?! Право же, не грех бы и меру знать в мифах. Особенно если учесть, что по ходатайству руководства НКВД СССР Президиум Верховного Совета СССР дважды, 12 июля и 24 ноября 1941 г. принимал указы об амнистии и освобождении заключенных ГУЛАГа, которые сразу же организованными командами направлялись из мест заключения прямо в военкоматы. Только по этим двум указам до конца 1941 г. для укомплектования РККА было передано **420 тысяч** амнистированных советских граждан. Если исходить из норматива штатной численности стрелковых дивизий 1941 г. в **14 483 чел.**, то выходит, что таким образом были созданы **29** полнокровных дивизий. Всего же за годы войны в ряды вооруженных сил было направлено **975 тысяч** амнистированных и освобожденных граждан СССР, за счет которых было укомплектовано **67 дивизий**.

* * *

(Небольшой комментарий. А это в свою очередь к тому, что с подачи пресловутого предателя В. Суворова – печально известного Резуна-Брехуна – по страницам современных исследований о войне шастает идиотская байка о том, что Сталин чуть ли не до войны планировал использовать заключенных ГУЛАГа в боевых операциях. Потому, мол, на фронте и появились так называемые черные дивизии. То есть по цвету их бушлатов и телогреек. В действительности же они предварительно были амнистированы и освобождены (к слову сказать, с началом войны многие заключенные ГУЛАГа искренне выражали желание попасть на фронт и тем самым снять судимость, что и было учтено руководством НКВД). Решение было исключительно правильное. Чего держать огромную ораву здоровых мужиков в лагерях, когда идет такая война?! Испокон веку и во многих государствах мира заключенным давали реальный шанс в случае войны на поле брани кровью смыть позор судимости. Советский Союз в этом отношении не стал исключением.)

* * *

То есть если все это принять во внимание, то трудовые резервы ГУЛАГа были значительно ниже тех, что имелись к началу войны. Тем не менее с началом войны самым главным направлением деятельности ГУЛАГа по-прежнему оставалось экономическое. В августе 1941 г. был определен перечень **64** строек, завершение которые приобрело в условиях начавшейся войны приоритетное значение. Это и строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали, и Куйбышевских авиазаводов, и ряда других оборонных предприятий и цехов, в том числе за Уралом и в Сибири. Не говоря уже о производстве военной продукции. За годы Великой Отечественной войны в системе исправительно-трудовых учреждений НКВД СССР было произведено **14 %** минометных боеприпасов, **22 %** инженерных мин и **14 %** ручных гранат, поставленных промышленностью вооруженным силам, в том числе:

корпусов мин – 37 млн 685 тыс 700 шт., в том числе:

– осколочных 50-мм – **2 млн 23 тыс. 300 шт.**;

– осколочных 82-мм – **29 млн 90 тыс. 300 шт.**;

– осколочных 120-мм – **5 млн 972 тыс. 100 шт.**; **ручных гранат – 25 млн 269 тыс.**

600 шт., в том числе:

– РГД-33 – **3 млн 733 тыс. 500 шт.**;

– РГ-42 – **14 млн 240 тыс. шт.**;

– Ф-1 – **4 млн 223 тыс. 500 шт.**;

– РПГ – 40 – **3 млн 72 тыс. 300 шт.**; инженерных мин – **14 млн 775 тыс. 100 шт.**, в том числе:

– противотанковых – **12 млн 510 тыс. 100 шт.**;

– противопехотных – **2 млн 265 тыс.** шт.

Кроме боеприпасов, в системе исправительно-трудовых учреждений НКВД СССР было произведено:

– **27 млн 900 тыс.** комплектов спецукупорки для мин; снарядов и авиабомб;

– **500 тыс.** катушек для телефонного кабеля;

– **30 тыс.** укороченных лодок-волокуш (УЛВ) для войск связи РКК;

– **1 млн 700 тыс.** противогазных масок;

– **2250 т** медного снарядного пояса;

– громадное количество уплотнительных колец и прокладок для различных артиллерийских систем из поливинилхлорида (метод изготовления был разработан специалистами 4-го спецотдела НКВД);

– пошито **22** млн единиц обмундирования для Красной Армии (в целом же в части касавшейся производства обмундирования, вклад ГУЛАГа составляет **12 %**).

На производственных мощностях ИТЛ ГУЛАГа производились также котелки для солдат, армейские термосы, пищевые котлы, полевые кухни, формы для выпечки хлеба, различная казарменная мебель, ружейные пирамиды, пожарные лестницы, лыжи для РККА, автомобильные кузова, госпитальное оборудование и еще очень много крайне востребованного действующей армией.

Трудовые ресурсы ГУЛАГа использовались также и в промышленности. До войны только **350** промышленных предприятий СССР использовали труд заключенных. Однако к 1944 г. уже **640** предприятий пользовались трудом заключенных. В основном их использовали в «горячих» цехах, заменяя женщин и подростков. Естественно, что труд заключенных использовался и в капитальном строительстве. Так, именно усилиями заключенных во время войны в рекордно короткие сроки был построен гигантский Челябинский металлургический завод, который внес громадный вклад в производство особенно специальных сталей для оборонных нужд. Кроме того, заключенных использовали и для добычи угля, золота и иных полезных ископаемых. В этом плане очень характерны цифры, которые приводятся в исторической литературе.

За 1941–1944 гг. строительными организациями НКВД СССР выполнено капитальных работ на 14,2 млрд рублей, что составляет 14,9 %, или почти седьмую часть, всех выполненных за это время строительных работ по народному хозяйству СССР в целом. За указанный период НКВД СССР построил и сдал в эксплуатацию:

– **612** оперативных аэродромов и **230** аэродромов с взлетно-посадочными полосами;

– **группу авиационных заводов** в районе г. Куйбышева;

* * *

(Небольшой комментарий. Решение о создании в районе г. Куйбышева трех авиационных заводов было принято советским правительством еще 6 августа 1940 г. Строительство было возложено на НКВД СССР. Через полтора года после начала войны весь комплекс Безыменских заводов, состоящий из 10 единиц, мощной ТЭЦ, большого жилого города с населением более 100 тысяч человек, с водопроводом, канализацией и развитой сетью железных и шоссейных дорог был готов. В этой связи весьма любопытен следующий документ.)

«13 декабря 1941 г. И-20/132 Секретно экз. № 1

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ ТОВАРИЩУ
СТАЛИНУ И. В.

В ближайшее время в Безымянском лагере НКВД в Куйбышеве из заключенных, работающих на строительстве заводов НКАП, освобождается около 30 тысяч человек заключенных с незначительными преступлениями (прогулы, опоздания и пр.). Среди них большое количество квалифицированных рабочих: токарей, слесарей, монтеров, монтажников, строителей и др. специальностей, необходимых Наркомату авиационной промышленности. По данным, полученным тов. Дементьевым в НКО в Куйбышеве, основная квалифицированная часть освобождаемых в количестве 18 тысяч человек передается в НКО как военно-обязанные, из них около 9 тысяч призываются в армию, а остальные 9 тысяч организуются в воинские рабочие батальоны, которые будут передаваться предприятиям. В целях обеспечения заводов № 1, 18, 24 рабочей силой для выполнения производственной программы и окончания строительства отдельных решающих программу объектов, прошу закрепить из освобождаемых квалифицированную часть в количестве 15–18 тысяч человек за строительством и заводами НКАП в городе Куйбышеве. Проект решения по этому вопросу прилагаю. А. Шахурин». Служебная записка отпечатана на бланке народного комиссара авиационной промышленности Союза ССР. Имеется резолюция И. В. Сталина: «т. Берия». По этому вопросу специального постановления ГКО не было. Однако на проекте постановления, представленном А. И. Шахуриным, имеется резолюция: «Тов. Щаденко. Надо для НКАП это сделать. Л. Берия. 25/ХП-41 г.»²⁰

* * *

- 3 доменные печи общей мощностью **980** тыс. т чугуна в год;
- 16 мартеновских и электроплавильных печей производительностью **445** тыс. т стали;
- прокатные станы общей производительностью **542** тыс. т проката;
- 4 коксовые батареи производительностью **1740** тыс. т кокса;

* * *

(Небольшой комментарий. 28 апреля 1944 г. Тагилстрой НКВД СССР закончил строительство и сдал в промышленную эксплуатацию на Ново-Тагильском металлургическом заводе мощную доменную печь № 3 производительностью **400–450** тыс. т чугуна. Накануне печь выдала первый чугун. Одновременно там же заканчивалось строительство двух мартеновских печей по 75 тыс. т стали в год, химического и литейного цехов. Основные строительно-монтажные работы по коксовой батарее на этом заводе были выполнены за 10 месяцев, а по доменной печи за 9 месяцев. Объекты были приняты правительственной комиссией с оценкой отлично.)

* * *

- угольные шахты и разрезы общей производительностью **6790** тыс. т угля;

²⁰ АПРФ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 34. Л. 21. Подлинник.

* * *

(Небольшой комментарий. К 15 марта 1944 г. Карагандастрой НКВД СССР доложил в ГКО о выполнении в срок постановления ГКО по строительству угольного разреза Карагандинского бассейна производительностью 1,5 млн т угля в год. В докладе Комиссии наркомугля и НКВД от 12 марта 1944 г. говорилось, что работы по строительству выполнены на отлично и в исключительно короткие сроки.)

* * *

- **46** электрических турбин общей мощностью **596** тыс. кВт;
- **3573** километра новых железных дорог;
- **4700** километров шоссейных дорог;
- **1056** километров нефтепроводов;
- **6** гидролизных и сульфатно-спиртовых заводов общей производительностью **3** млн декалитров спирта;
- **10** компрессорных станций для нефтяной промышленности;
- **2** химических завода по производству соды и брома;
- завод нитроглицериновых порохов;
- мощную радиовещательную станцию.

По главнейшим видам продукции промышленными предприятиями НКВД СССР за указанный период 1941–1944 гг. выдано:

- золота в переводе на химически чистое **315** т;
- олова в концентратах **14 398** т;
- вольфрамового концентрата **6795** т;
- молибденового концентрата **1561** т;
- никеля электролитного **6511** т;
- меди черновой **6081** т;
- хромовой руды **936** тыс. т;
- угля **8924** тыс. т;
- сажи газовой **10150** т;

* * *

(Небольшой комментарий. Если в отношении всех вышеперечисленных видов продукции читателям более или менее понятно, зачем они нужны, то в отношении сажи газовой – едва ли. Между тем это продукция огромного стратегического назначения. Являясь продуктом неполного сгорания или термического разложения углеродистых веществ, сажа газовая (иногда ранее называли канальная сажа) по своему значению в военное время была равнозначна металлу. Дело в том, что она нашла широкое применение в производстве шин различного назначения, разных резинотехнических изделий с высокой механической прочностью и эластичностью. Без сажи газовой невозможно было произвести ни одной шины, потребность армии в которых была просто астрономическая. Ведь ни один автомобиль, ни одна пушка без соответствующей «обувки» двигаться не могут. Помимо этого сажа используется и в производстве электродов, коллекторных щеток, сухих и наливных элементов и даже солдатских кирзовых сапог (кирзовый материал был изобретен в 1938 г.). До войны в СССР сажу газовую производили только заводы Майкопа. Однако в связи с угро-

зой оккупации этого региона производство сажи было перебазировано на Крайний Север, в Заполярье, в Ухтинский район. Там еще перед войной было открыто месторождение нефти и газа, начало освоения которому было положено буквально накануне войны. Уже 7 ноября 1941 г. здесь был получен первый газ, который сразу же пошел на Ухтинские сажевые заводы, которые в дальнейшем всю войну обеспечивали оборонные отрасли народного хозяйства своей универсальной продукцией.)

* * *

- нефти **407** тыс. т;
- мин [(82-мм и 102-мм) – для минометов Шавырина] **30,2** млн шт.;
- леса и дров **90** млн. куб. м.

И в заключение хотелось бы отметить вклад ГУЛАГа в решение некоторых стратегических, в том числе и военно-стратегических, задач, имевших для СССР исключительное значение.

1. В сентябре – декабре 1941 г. силами НКВД вдоль берега Белого моря была сооружена железнодорожная ветка Сорока (Беломорск) – Обозерская. После того как германские и финские войска перерезали Кировскую железную дорогу, новая ветка стала единственным путем связи Кольского полуострова с остальной страной и перевозки поступающих в Мурманск грузов по ленд-лизу. Переоценить ее значение во время войны невозможно.

2. Один из решающих вкладов в победу в Сталинградской битве внес именно ГУЛАГ. Дело в том, что 23 января 1942 г. Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве рокадной дороги от Ульяновска до Сталинграда. Значительная часть дороги от Саратова до Сталинграда сооружалась силами Главного управления лагерей железнодорожного строительства под общим руководством заместителя начальника главка Ф. А. Гвоздевского. Разработанный Желдорпроектом НКВД проект, по которому трасса проходила вне поймы Волги, позволил обойтись минимальным количеством мостов и глубоких отходов. Для ускорения работ с законсервированных в связи с началом войны участков БАМа были срочно сняты и немедленно переброшены к Волге рельсы. И, несмотря на то, что с июля 1942 г. строительство дороги велось под непрерывными бомбардировками авиации противника, уже 7 августа 1942 г. головной участок трассы от ст. Иловля до Камышина был сдан в эксплуатацию. В Сталинград стали бесперебойно поступать воинские эшелоны с различными грузами.

В целом же рокадная дорога Сталинград – Петров Вал – Саратов – Сызрань протяженностью в 240 км была введена в строй за 100 дней. В сентябре – ноябре в строй были введены участки Иловля – Саратов протяженностью в 331 км и Свяжск – Ульяновск протяженностью в 202 км.

Как видите, в годы войны хозяйственная деятельность пенитенциарной системы НКВД СССР в лице ГУЛАГа играла существенную роль. Однако утверждать, что все оружие победы в тылу ковали только заключенные ГУЛАГа, нет ни малейших оснований. Ни по одному виду деятельности или продукции ГУЛАГ даже в годы войны не достигал и 25 % от общесоюзного уровня такой деятельности или продукции. Предельный уровень экономической роли ГУЛАГа в экономике СССР в годы войны – от силы $\frac{1}{7}$ от всего объема производства и строительных работ.

В связи с ГУЛАГом накануне и особенно в годы войны очень часто, но без малейшего понятия о том, что же в действительности происходило, упоминают, что-де за малейшую провинность на производстве людей осуждали и отправляли в ГУЛАГ. Это полный бред. Да, действительно осуждали – это факт непреложный. Как, впрочем, и то,

что к необходимости соблюдения трудовой дисциплины в России не могут привыкнуть даже в XXI веке. Однако абсолютное большинство получивших такие приговоры никуда не ссылались, а оставались на своем производстве и продолжали трудиться, как и прежде. Но у них при этом вычитали из зарплаты штрафы. В случае если провинностей более не было, то судимость быстро снималась и погашалась. Да, понимаю, что, мягко говоря, меры не самые приятные, но ведь и война-то была страшная, особенно по целям агрессора, намеревавшегося едва ли не поголовно уничтожить население СССР, особенно славянские народы. И тут уж не до сантиментов. А вот фокусничать на производстве, к глубокому сожалению, у нас очень любят. Но ведь это же категорически недопустимо в принципе, иначе получится не продукция, а черт знает что, а уж что касается оружия и боевой техники, то тут последствия могут быть столь трагичными, что... впрочем, не приведи Господь.

* * *

В 1996 году кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ В. А. Пронько и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН В. Н. Земсков опубликовали в № 5 журнала «Новая и новейшая история» обнаруженный ими в архивах уникальный документ. Называется он «Доклад о работе Главного Управления Исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР за годы Великой Отечественной войны», который был представлен народному комиссару внутренних дел СССР Л. П. Берия. Ввиду особой важности этого документа полагаю правильным довести его до сведения читателей. Сноски и ссылки к тексту принадлежат указанным авторам, как, впрочем, и на их же данных построены небольшие комментарии автора настоящих строк.

«НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

Генеральному Комиссару государственной безопасности – [...]

БЕРИЯ Л.П.

ДОКЛАД О РАБОТЕ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ И КОЛОНИЙ НКВД СССР ЗА ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В соответствии с историческими указаниями товарища Сталина о перестройке всей работы тыла на военный лад и подчинении ее интересам фронта и задачам организации разгрома врага, вся оперативная и производственно-хозяйственная деятельность ГУЛАГа НКВД СССР была направлена:

- на усиление изоляции заключенных и борьбу с антисоветскими проявлениями среди них;
- сохранение физического состояния заключенных и их полное трудовое использование;
- комплектование важнейших оборонных строителей и предприятий рабочей силой из заключенных;
- всемерное усиление производства боеприпасов, спецукупорки и другой оборонной продукции и
- на расширение собственной продовольственной базы.

Практическая работа ГУЛАГа НКВД СССР за годы Великой Отечественной войны характеризуется следующим:

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПОСТРОЕНИЕ ГУЛАГа И ПРОИСШЕДШИЕ В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

ГУЛАГ НКВД осуществляет руководство исправительно-трудовыми лагерями, подчиненными непосредственно Центру, республиканскими, краевыми и областными управлениями и отделами исправительно-трудовых лагерей и колоний, входящими в состав НКВД-УНКВД по территориальности. По состоянию на 1 июля 1944 года имеется: исправительно-трудовых лагерей – 56, республиканских, краевых и областных управлений и отделов исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК-ОИТК) – 69. В состав исправительно-трудовых лагерей, УИТЛК-ОИТК НКВД-УНКВД республик, краев и областей входит отдельных лагерных подразделений 910, исправительно трудовых колоний 424 и городских – районных инспекций исправительно-трудовых работ – 1549²¹. Штатная численность указанных выше подразделений составляет 85 000 единиц (без военизированной охраны). За время войны вновь организовано 40 исправительно-трудовых лагерей, 11 УИТЛК и 15 ОИТК НКВД-УНКВД. Вместе с тем за тот же период подверглось расформированию 69 исправительно-трудовых лагерей, 1 УИТЛК и 15 ОИТК НКВД-УНКВД. Центральный аппарат ГУЛАГа НКВД СССР в своем составе имеет 3 управления и 13 самостоятельных отделов со штатной положенностью 525 единиц.

НАЛИЧИЕ И ДВИЖЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ, ПРОИСШЕДШИЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ ИЗМЕНЕНИЯ В ИХ СОСТАВЕ

Военный период характерен постепенным снижением численности заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД. Снижение числа заключенных в основном объясняется применением досрочного освобождения в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета Союза ССР, постановлениями Государственного Комитета Обороны и Пленума Верховного Суда Союза ССР. К началу войны общее число заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях, составляло 2.300.000 человек. На 1 июля 1944 года число заключенных снизилось до 1.200.000 человек. За три года войны из лагерей и колоний убыло 2.900.000 человек и вновь поступило осужденных 1.800.000 человек. Одновременно произошли изменения в составе заключенных по характеру совершенных преступлений. Если в 1941 году осужденные за контрреволюционные и другие особо опасные преступления составляли только 27 % от общего числа заключенных, содержащихся в лагерях и колониях, то к июлю 1944 года число осужденных этой категории возросло до 43 %. Кроме того, в настоящее время в исправительно-трудовых лагерях содержится 5.200 заключенных, осужденных к каторжным работам. В составе заключенных снизилось число осужденных мужчин, с одновременным увеличением женщин. В 1941 году заключенных мужчин содержалось 93 %. В настоящее время: мужчин 74 %, женщин – 26 %²².

В первый период войны возникла необходимость эвакуации заключенных с территории, находившейся в непосредственной близости к зоне военных действий, где дислоцировалась значительная группа исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД

²¹ Задача этих инспекций заключалась в обеспечении выполнения судебных решений в отношении лиц, приговоренных не к лишению свободы, а к отбыванию принудительных работ.

²² Женщины привлекались к уголовной ответственности в основном за растрату, кражи социалистической собственности, мелкие кражи на производстве, кражи личной собственности.

(Беломорско-Балтийский, Мончегорский, Вытегорский, Сегежский лагеря аэродромных строителей и другие). Эвакуация лагерей и колоний в основном была проведена организованно, ГУЛАГом разрабатывались планы эвакуации заключенных в увязке с перебазированием промышленности, предусматривая вывоз людей, материальных ценностей и демонтируемого оборудования. В связи с известными транспортными затруднениями, значительная масса заключенных эвакуировалась пешим порядком нередко на расстояния до 1.000 км. Аппараты ГУЛАГа в тыловых районах были мобилизованы на обеспечение проходивших эшелонов и этапов заключенных медико-санитарным обслуживанием и питанием. Эвакуации подверглись 27 исправительно-трудовых лагерей и 210 колоний, с общим числом заключенных – 750.000 человек.

ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ И ПЕРЕДАЧА ИХ В КРАСНУЮ АРМИЮ

По представлению НКВД СССР Президиумом Верховного Совета Союза ССР 12 июля и 24 ноября 1941 года были изданы Указы о досрочном освобождении некоторых категорий заключенных, осужденных за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления, с передачей лиц призывных возрастов в Красную Армию.

* * *

Небольшой комментарий. 12 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета принял Указ «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений». В соответствии с этим Указом в местностях, объявленных на военном положении, подлежали освобождению заключенные, осужденные: по указам от 26 июля и 10 августа 1940 года («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство»), кроме злостных хулиганов и рецидивистов; за маловажные бытовые преступления, имевшие остаток срока менее года; беременные женщины и женщины, имевшие малолетних детей (кроме осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм и рецидивисток); учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, осужденные по указу от 28 декабря 1940 г. за нарушение дисциплины и самовольный уход из училища (школы). 24 ноября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР распространил действие Указа от 12 июля 1941 г. на все местности СССР и принял решение о дополнительном освобождении некоторых категорий заключенных, например бывших военнослужащих, осужденных за несвоевременную явку в часть и малозначительные должностные, хозяйственные и воинские преступления, совершенные до начала войны, при этом они передавались в части действующей армии. Освобождению также подлежали нетрудоспособные инвалиды, старики, имевшие остаток срока наказания до 3 лет, кроме осужденных за контрреволюционные преступления.

* * *

Во исполнение Указов Президиума Верховного Совета СССР ГУЛАГом было проведено освобождение 420.000 заключенных. По специальным решениям Государственного Комитета Обороны, в течение 1942–1943 гг. произведено досрочное освобождение с передачей в ряды Красной Армии 157.000 человек из числа осужденных за незначительные преступления. Кроме того, по установленному ГУЛАГом порядку все заключенные, осво-

бождаемые из лагерей и колоний за отбыванием сроков наказания, годные к строевой службе, также передавались в армию. Всего за три года Отечественной войны было передано на укомплектование Красной Армии 975.000 человек.

* * *

Небольшой комментарий. С учетом кадровых сотрудников – **117 000**, в том числе **93 500** человек из военизированной охраны, – за три года войны из ГУЛАГа на комплектование Красной Армии было передано **1 092 000** человек.

* * *

Придавая особое значение вопросу досрочного освобождения заключенных и передаче их в Красную Армию, в лагерях и колониях проводилась большая работа по персональному отбору, материальному обеспечению и политической подготовке передаваемых. Из освобождаемых создавались специальные команды, которые организованно направлялись в военкоматы и места формирования воинских частей. Многие бывшие заключенные, находясь на фронтах Отечественной войны, проявили доблесть и героизм, за что награждены орденами и медалями Советского Союза. Бывшим заключенным: Матросову, Бреусову, Отставнову, Сержантову, Ефимову присвоены звания Героев Советского Союза.

* * *

Небольшой комментарий. **Матросов Александр Матвеевич** – родился 5 февраля 1924 г. в Екатеринославе. На фронте с 1942 г. Автоматчик, рядовой (22-я армия, Калининский фронт). 23 февраля 1943 г. в бою за деревню Чернушки (Псковская обл.), израсходовав все боеприпасы, телом закрыл амбразуру вражеского дзота. Звание Героя Советского Союза присвоено 19 июня 1943 г. посмертно. **Бреусов Владимир Ефимович** – родился 25 июля 1925 г. в Алма-Ате. На фронте с июля 1943 г. Пулеметчик 960-го стрелкового полка (299-я стрелковая дивизия, 53-я армия Степной фронт). 15 августа 1943 г. при штурме высоты выдвинулся со своим пулеметом вперед и уничтожил несколько вражеских автоматчиков. Огнем из пулемета обеспечил штурм высоты и ее захват. Звание Героя Советского Союза присвоено 1 ноября 1943 г. **Отставнов Алексей Иванович** – родился 18 октября 1905 г. в деревне Копнино Собинского района Владимирской области. На фронте с 1942 г. Командир взвода 77-й гвардейской отдельной разведывательной роты (73-я гвардейская стрелковая дивизия, 7-я гвардейская армия, Степной фронт), гвардии младший лейтенант Отставнов умело организовал переправу через Днепр. 10 октября 1943 г., обороняя наблюдательный пункт полка, гранатами отразил атаку танков и БТР, подбив БТР противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 26 октября 1943 г. **Сержантов Иван Яковлевич** – родился 17 февраля 1919 г. в деревне Первые Яковлевичи Оршанского района Витебской области. На фронте с января 1942 г. Летчик 9-го гвардейского истребительного авиационного полка (8-я воздушная армия, Южный фронт). Гвардии лейтенант Сержантов к апрелю 1943 г. совершил 258 боевых вылетов, в 85 воздушных боях лично сбил 13 и в группе 8 самолетов противника. Погиб 29 апреля 1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 августа 1943 г. посмертно. **Ефимов Василий Мефодьевич** – родился 25 августа 1919 г. в деревне Красный Яр Уссурийского района Приморского края. На фронте с 1942 г. Водитель боевой установки 315-го гвардейского минометного полка (37-я армия, Степной фронт). При форсировании Днепра и в кровопролитных боях по расширению плацдарма 30 сентября –

19 октября 1943 г. 14 раз выводил установку на прямую наводку, подбил и сжег 2 танка, штурмовое орудие, 2 автомашины. Всего за время боевых действий с 5 июля по 20 октября 1943 г. произвел 107 залпов, подбив 16 танков и уничтожив много живой силы противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 22 февраля 1944 г.

Это далеко не полный перечень узников ГУЛАГа, ставших Героями Советского Союза в Великой Отечественной войне. Так, например, этого звания удостоены маршал К. К. Рокоссовский (дважды: 29 июля 1944 г. и 1 июня 1945 г.) и генерал армии А. В. Горбатов (10 апреля 1945 г.). Геройский поступок Матросова отмечен специальным приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина (речь идет о приказе НКО СССР от 8 сентября 1943 г., в соответствии с которым имя А. Матросова было присвоено 254-му стрелковому полку, в котором он служил, с зачислением погибшего навечно в списки 1-й роты этой части).

* * *

В 1941–1942 гг. из исправительно-трудовых лагерей, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР и постановлению Государственного Комитета Обороны, освобождено 43 тысячи польских граждан и 10 тысяч чехословацких граждан, направленных в своем большинстве на формирование национальных частей.

* * *

Небольшой комментарий. В соответствии с соглашением от 30 июня 1941 г. с польским эмигрантским правительством в Лондоне в сентябре 1941 г. на территории СССР стала формироваться армия Андерса, которая в 1942 г. была выведена на Ближний Восток. С 14 мая 1943 г. в Селецких лагерях под Рязанью начала формироваться из добровольцев поляков, проживавших в СССР, 1-я польская пехотная дивизия им. Т. Костюшко (командир – полковник З. Берлинг). В соответствии с соглашениями от 18 июля и 27 сентября 1941 г. с февраля 1942 г. в Бузулуке при активном участии чехословацких коммунистов стал создаваться 1-й отдельный чехословацкий пехотный батальон, командиром которого стал подполковник Л. Свобода.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВ И ЛАГЕРЕЙ НКВД РАБОЧЕЙ СИЛОЙ И СПЕЦИАЛИСТАМИ ИЗ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

За годы войны на строительства НКВД и в исправительно-трудовые лагеря направлено за счет поступлений из тюрем и в порядке перераспределения заключенных между лагерями свыше 2.000.000 человек, в том числе:

- строительству железных дорог – 448.000.
- горно-металлургической – 171.000
- промышленному строительству – 310.000
- аэродромному и шоссейному строительству – 268.000
- лагерям лесной промышленности – 320.000

Наряду с этим ГУЛАГом выявлено и направлено строительствам НКВД – 40.000 специалистов и квалифицированной рабочей силы из заключенных: инженеров, техников, металлистов, железнодорожников, угольщиков. Основное внимание сосредотачивалось на выполнении решений Государственного Комитета Обороны и приказов Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР по обеспечению рабочей силой важнейших строительства, осуществляемых НКВД: строительства

авиационных заводов в гор. Куйбышеве, металлургических комбинатов в Н. Тагиле, Челябинске, Актюбинске и Закавказье, Норильского комбината, Джидинского комбината Богословского алюминиевого завода, строительства Северо-Печорской жел. дор. магистрали, стратегической железной дороги Саратов-Сталинград, строительства железной дороги Комсомольск-Совгавань, нефтеперегонного завода в Куйбышеве. На местах дислоцирования новых строений, в ряде случаев необжитых и необустроенных, создавались исправительно-трудовые лагеря НКВД. Это потребовало от ГУЛАГа напряженной работы по укомплектованию вновь организуемых лагерей руководящими кадрами, медицинским персоналом и военизированной охраной. Для обеспечения содержания заключенных развернулось строительство зон, жилых и коммунально-бытовых помещений. В централизованном порядке завозилось продовольствие, вещевое имущество, медикаменты и необходимые предметы хозяйственного обихода. В связи с острым недостатком в квалифицированной рабочей силе ГУЛАГом совместно с производственными аппаратами строительства организовано в лагерях и колониях массовое техническое обучение заключенных. За три года подготовлено около 300 тысяч квалифицированных рабочих, используемых на строительствах и предприятиях НКВД. На комбинатах НКВД: Воркутинском, Норильском, Джидинском, Ухтинских нефтяных промыслах, Северо-Печорской железнодорожной магистрали и ряде других все работы по добыче и эксплуатации проводятся специалистами и квалифицированной рабочей силой из числа заключенных. Особо следует отметить, что в начале войны полевые строительства Главного Управления оборонительных работ НКВД, перешедшие впоследствии в НКО, в основном укомплектовывались руководящими и рабочими кадрами за счет исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД. На работы по строительству оборонительных рубежей ГУЛАГом было передано 200 тысяч заключенных. Кроме того, по требованию Военного Командования на оборонительные строительства привлекались заключенные, следовавшие в порядке эвакуации вглубь страны. Полевые строительства оборонительных сооружений за счет эвакуируемых лагерей и колоний обеспечивались продовольствием, обмундированием, обувью, строительными материалами, механизмами, оборудованием, транспортом и другими материальными ресурсами, обеспечившими быстрый разворот строительства оборонительных объектов. Так, за счет ресурсов Вытегорского строительства и лагеря НКВД были обеспечены рабочей силой, продовольствием и материальными ресурсами полевые строительства 2 Армейского Управления оборонительных работ НКО. За счет Беломорско-Балтийского лагеря НКВД – полевые строительства Управления оборонительных работ Карельского и Северного фронтов.

ВЫДЕЛЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ДРУГИМ НАРКОМАТАМ

Помощь, оказываемая ГУЛАГом рабочей силой другим наркоматам, приобрела особое значение в годы войны. В настоящее время в соответствии с решениями Государственного Комитета Оборона лагерная рабочая сила из заключенных выделяется 640 предприятиям и строительством других наркоматов, в то время как до войны заключенные выделялись только 350 предприятиям. При этих предприятиях ГУЛАГом организовано 380 специальных исправительно-трудовых колоний НКВД, в которых созданы необходимые условия содержания заключенных, установлен соответствующий режим и охрана, обеспечивающие наиболее полное трудовое использование и изоляцию заключенных как на производстве, так и в колониях. Питание и снабжение вещевым довольствием заключенных ГУЛАГ обеспечивает за счет своих ресурсов. В специальных исправительно-трудовых колониях содержится 225.000 заключенных, выделяемых важнейшим оборонным предприятиям и строительством, в том числе промышленности боеприпасов и вооружения – 39.000 чел., черной и цветной металлургии – 40.000, авиационной и танковой промышленности – 20.000,

угольной и нефтяной промышленности – 15.000, электростанциям и электропромышленности – 10.000, лесной промышленности – 10.000. По видам работ заключенные специальных колоний используются на строительных работах – 34 %, непосредственно в производстве (в цехах) – 25 %, горно-рудных работах – 11 % и прочих (лесозаготовки, погрузочно-разгрузочные работы) – 30 %. Заключенные, работающие на заводах, участвуют в производстве танков, самолетов, боеприпасов, вооружения.

- Так, на заводе № 711 Наркомата Минометного вооружения используются 2.000 заключенных в литейном цехе на отливке 120-мм мин;

- на комбинате № 179 Наркомата Боеприпасов используется 1.500 человек в цехах заводов на производстве снарядов, мин и других боеприпасов;

- на заводе им. Кирова Наркомата Танковой промышленности работает 2.000 человек в кузнечном и литейном цехах на производстве танков;

- на Магнитогорском и Кузнецком комбинатах Наркомата Черной металлургии занято 4.300 человек, используемых на выплавке чугуна, стали, сортового проката и складских работах;

- на Джезказганском медеплавильном комбинате Наркомата Цветной металлургии используется 3.000 человек на выплавке меди;

- на строительствах Омского авиационного завода Наркомата Авиации занято 1.600 человек; Уфимского нефтеперерабатывающего завода Наркомата Нефтяной промышленности – 2.000 человек;

- на заготовку леса для заводов Наркомата Вооружения в Удмуртской АССР выделяется 2.000 человек.

В результате проведенных мероприятий, выходы заключенных на основные работы составляют 83,5 % против 78 % до войны. Выработка на один человекодень достигла 21 рубля в 1944 году, против 9 рублей 50 коп. в 1940 году. Валовая выработка заключенных только по зарплате составляет в год 1.000.000.000 рублей, или в два раза больше, чем в довоенное время.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО УЛУЧШЕНИЮ ФИЗИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Уже в первый год войны произошло значительное изменение физического профиля заключенных в сторону снижения их трудоспособности. Удельный вес трудовых групп в общем составе заключенных по категориям труда составлял:

	1940 г. (%)	1942 г. (%)
годных к тяжелому труду	35,6	19,2
годных к среднему труду	25,2	17,0
годных к легкому труду	15,6	38,3
инвалиды и ослабленные	23,6	25,5

Таким образом, группа лиц, годных к тяжелому и среднему физическому труду, составлявшая в 1940 году 61 % к общему числу заключенных, в 1942 году снизилась до 36 %. Число заключенных, пригодных к легкому труду, возросло на 23 %, ослабленных и инвалидов на 2,0 %. Одной из причин, повлиявших на общее ухудшение физического состояния заключенных, явилось длительное пребывание их в пути в период эвакуации. Наряду

со снижением физического профиля заключенных, ухудшилось общее состояние лагерного сектора в связи с вывозом 750.000 заключенных из временно оккупированных районов в лагеря и колонии, расположенные на востоке, что привело к значительной перенаселенности и ухудшению санитарно-бытовых условий. Вновь создаваемые в восточных районах страны лагерные подразделения и колонии в организационный период не могли обеспечить нормального размещения и содержания заключенных. Это положение потребовало от ГУЛАГа проведения ряда решительных мер, направленных к созданию надлежащих жилищно-бытовых условий для заключенных и мероприятий по улучшению их физического состояния. Основными мероприятиями ГУЛАГа в этом направлении явились дополнительное строительство жилых бараков и коммунально-бытовых объектов, проведение капитального ремонта и утепление имеющегося жилищного фонда; переоборудование сплошных нар на двухъярусные вагонного типа; обеспечение жилых бараков необходимым инвентарем и благоустройство территорий зон. В результате проведенных мероприятий жилая площадь в настоящее время доведена в среднем до 1,8 кв. метра на одного заключенного, в то время как в первый период войны жилая площадь составляла менее 1 квадратного метра на человека. Лагерные подразделения и колонии обеспечены банями, прачечными, дезкамерами, сушилками и другими коммунально-бытовыми объектами. К началу войны 80 % заключенных размещалось на сплошных двух- и трехъярусных нарах; в настоящее время более половины лагерей и колоний полностью закончили переоборудование сплошных нар на двухъярусные вагонного типа, обеспечив каждого заключенного индивидуальным спальным местом. Полное переоборудование сплошных нар в остальных лагерях и колониях будет закончено к 1 октября сего года.

Жилые помещения, как правило, оборудованы столами, скамейками, тумбочками, бачками для кипяченой воды и другим хозяйственным инвентарем. Организованы камеры для хранения личных вещей заключенных. Для заключенных рекордистов и отличников производства во всех лагерях и колониях выделены специальные бараки из расчета 3 кв. метров жилой площади на человека, оборудованные койками с комплектом постельных принадлежностей. Для всех заключенных установлено три выходных дня ежемесячно и ежедневно восьмичасовой непрерывный отдых для сна. В большинстве лагерей и колоний созданы удовлетворительные жилищно-бытовые условия содержания заключенных. В данное время в соответствии с приказом Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР товарища Берия № 00640 – 44 года в лагерях и колониях проводится работа по дальнейшему улучшению жилищно-бытовых условий содержания заключенных, своевременной подготовке к зиме 1944/45 года и строительству недостающего жилого фонда.

Военная обстановка потребовала от ГУЛАГа принять на себя функции непосредственной реализации и транспортировки в лагеря и колонии продовольственных и промышленных товаров. Для указанных целей в начале 1942 года в составе ГУЛАГа было организовано Управление Снабжения и периферийные конторы по реализации фондов. Это мероприятие в значительной мере улучшило работу по реализации выделяемых Правительством продовольственных и промышленных фондов. Общее количество реализованных продовольственных товаров за отчетный период составляет более 1.700.000 тонн, в том числе свыше 1 млн. тонн хлебопродуктов, около 600 тыс. тонн зернофуража, 66 тыс. тонн мяса, 130 тыс. тонн рыбы, 31 тыс. тонн жиров. За два с половиной года существования контор ГУЛАГа ими реализовано и отправлено в лагеря и колонии продовольственных и промышленных товаров на – 1.136.000.000 руб. Одновременно с обеспечением заключенных продовольствием за счет централизованных фондов в лагерях и колониях проведена большая работа по созданию и расширению подсобного хозяйства. Так, посевная площадь подсобных хозяйств (без специализированных сельхозлагерей) в 1944 году доведена до 90.000 гектаров, против 16.000 га в 1941 году. Выход продукции этих хозяйств в 1944 году состав-

ляет по зерновым 35.000 тонн, против 3 тыс. тонн в 1941 году и соответственно по картофелю 102.000 т против 50 тыс. тонн, по овощам 76.000 т против 26 тыс. тонн. поголовье крупного скота увеличилось почти в три раза с 15 тыс. в 1941 году до 40.000 голов в 1944 году. Подсобные хозяйства и специализированные сельхозлагери дали возможность создать собственную продовольственную и кормовую базу и увеличить ресурсы продовольствия, явившиеся основным источником проведения мероприятий по улучшению физического состояния заключенных. Кроме того, в лагерях и колониях организован массовый сбор ягод, грибов и других дикорастущих (в 1942 году – 3.800 т и в 1943 году – 4.000 т), способствовавших повышению витаминности питания заключенных. Установленные в 1942 году средне-расчетные нормы питания в течение 1943 и 1944 годов повышены за счет централизованного получения дополнительных пайков и использования продукции собственного сельского хозяйства. Также повышены на 33 % нормы питания для заключенных, содержащихся в северных отдаленных лагерях (Норильский, строительство № 500, Воркутинский, Интинский, Северо-Печорский). Сверх этого увеличены нормы питания на 25 % заключенным, занятым на выработке боеприпасов, производстве спецукупорки, на работах в нефтяных и угольных шахтах.

ГУЛАГ в централизованном порядке ежеквартально получает 300 тысяч пайков для ослабленных заключенных и 250 тысяч вторых горячих блюд для выполняющих и перевыполняющих производственные нормы. За счет продукции подсобных хозяйств ГУЛАГ ежеквартально выделяет на улучшение питания заключенных 1.300 тонн мяса-рыбы, 2.500 тонн молока и 150 тонн крупы. Указанные мероприятия дали возможность увеличить среднерасчетную норму питания по хлебу на 12 %, крупе 24 %, мясу-рыбе – 40 %, жирам – 48 % и овощам – 22 %. Однако существующая норма питания заключенных со всеми дополнительными пайками по калорийности на 30 % ниже довоенной.

Потребность лагерей и колоний в вещевом довольствии для заключенных покрывалась централизованными фондами недостаточно, в частности, по хлопчато-бумажным тканям не более 40 %, по обуви 35 %. В целях улучшения снабжения лагерей и колоний вещевым довольствием ГУЛАГом было получено со складов НКВД выбракованного зимнего и летнего обмундирования – 1.000.000 комплектов, обуви – 250.000 пар, ватных шаровар и телогреек – 130.000 комплектов и прочих предметов одежды свыше 2.000.000 единиц. За счет переработки пришедшей в негодность одежды и обуви в лагерях и колониях пошито 320.000 пар белья, 590.000 пар зимнего обмундирования и 1.400.000 пар разной обуви. Кроме этого, промышленными колониями ГУЛАГа изготовлено разной обуви 2.500.000 пар, валенок 540.000 пар, трикотажного белья 2.000.000 пар, полушубков – 70.000, одеял 500.000 штук. В результате проведенных мероприятий, обеспеченность вещевым довольствием несколько повысилась. Вместе с тем необходимо отметить, что общая потребность лагерей и колоний в вещевом довольствии удовлетворена только в размерах 70–80 %. В связи с неполучением от промышленности необходимых для лагерей и колоний предметов хозяйского назначения ГУЛАГом было организовано их изготовление на базе местного сырья и отходов. За 1942–1943 гг. изготовлено мисок 800.000 штук, кружек 150.000, ложек 3.000.000, бачков 70.000, мыла 400 тонн.

Необходимость восстановления физического состояния заключенных потребовала проведения специальных медико-санитарных мероприятий. В первом полугодии 1941 года заболеваемость заключенных составляла в лагерях и колониях всего 6,7 %. За два года войны заболеваемость возросла до 22 %. Со второй половины 1943 года в результате улучшения жилищно-бытовых условий, своевременной госпитализации, повышения качества амбулаторного и стационарного лечения заболеваемость среди заключенных снизилась, составив во второй половине 1943 года 18 % и в 1944 году – 16 %. В снижении заболеваемости значительную роль также сыграли оздоровительные и профилактические мероприятия и развертывание дополнительной санитарно-лечебной сети. На 1 января 1943 года санитарно-лечеб-

ная сеть лагерей и колоний была доведена до 1.480 больниц на 165.000 коек, против 845 больниц на 40.000 коек в 1941 году. В 1942 году были созданы специальные оздоровительно-профилактические пункты, которые по условиям режима и питания обеспечивали заключенным необходимый отдых и восстановление временно утраченной трудоспособности на производстве. В последующем в целях охвата оздоровительными мероприятиями основного состава работающих, и в первую очередь отличников производства, существовавшие оздоровительно-профилактические пункты реорганизованы в оздоровительные пункты для лучших производственников и в оздоровительные команды для ослабленных заключенных. Эти профилактические учреждения возвратили на производство значительное число заключенных. В 1943/44 году через оздоровительные пункты прошло 135.000 заключенных, из которых выписано пригодными для использования на тяжелых физических работах 21 %, на работах средней тяжести 27 % и годными к легкому труду 27 %. Из оздоровительных команд на работы тяжелого и среднего физического труда выписано 35.000 человек. Исключительную роль имел приказ Народного Комиссара товарища Л. П. Берия за № 0033–1943 года, выполнение которого обеспечило коренной перелом в деле сохранения физического состояния заключенных. В данное время физическое состояние заключенных характеризуется следующим: группа тяжелого среднего труда повысилась на 6,3 % по сравнению с 1942 годом; выходы на производство увеличились на 10 %; среднемесячная смертность, составлявшая в 1942 году 2,1 %, в первом полугодии 1944 года снижена до 0,8 %. Серьезная работа проведена по пресечению инфекционных заболеваний. Так, вспышка сыпного тифа, давшая в лагерях и колониях за первое полугодие 1943 года 2.787 случаев, во второй половине того же года была снижена до 136 случаев. Также снижена заболеваемость дизентерией: 606 случаев за первое полугодие 1944 года против 2.945 случаев в первом полугодии 1942 года. Имевшая место в 1942 году вспышка холеры (217 случаев) принятыми мерами была быстро и полностью локализована. На проведение лечебно-профилактических мероприятий среди заключенных ГУЛАГом были обращены значительные ресурсы медико-санитарного снабжения на общую сумму 47 млн. рублей. Одних только витаминных препаратов в лагери и колонии было направлено 625.000.000 человеко-доз.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОБИЛИЗОВАННЫХ КОНТИНГЕНТОВ

В соответствии с постановлениями Государственного Комитета Обороны о привлечении для работы в промышленность граждан СССР национальностей воюющих с Советским Союзом стран (немцы, финны, румыны) ГУЛАГом в течение 1942–1944 гг. проведено несколько мобилизаций этих контингентов и направление их на важнейшие строительства НКВД и предприятия других наркоматов. Всего мобилизовано за этот период свыше 400.000 человек, из которых 220.000 направлено для трудового использования в системе НКВД и 180.000 – на объекты других наркоматов. Мобилизованные контингенты используются в промышленности главным образом на добыче угля и нефти, на производстве вооружения, боеприпасов, черных и цветных металлов, а также на важнейших строительствах НКВД. В связи с тем, что мобилизованные являлись новыми для ГУЛАГа контингентами, были разработаны и изданы основные положения, предусматривающие вопросы правового порядка организации и трудового использования. Выходы мобилизованных контингентов на основные производственные работы на строительствах НКВД составили 84 %. Вместе с тем ГУЛАГ осуществляет контроль и наблюдение за использованием мобилизованных, занятых в промышленности других наркоматов, принимая необходимые меры к созданию надлежащих условий содержания мобилизованных и их трудового использования.

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ НА ОСУЖДЕННЫХ К ИСПРАВИТЕЛЬНО- ТРУДОВЫМ РАБОТАМ (БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ)

Одним из серьезных участков работы ГУЛАГа является обеспечение исполнения судебных приговоров на осужденных к исправительно-трудовым работам без лишения свободы и удержаний из их заработка отчислений в доход государства. За последние три года отмечается уменьшение численности этих контингентов, составлявших к началу войны 1.264.000 человек и снизившихся в настоящее время до 700.000 осужденных в основном за прогулы. Число осужденных, привлеченных к отбытию наказания в порядке исправительно-трудовых работ, за отчетный период составило в среднем 97 %. За годы войны взыскано с осужденных к исправительно-трудовым работам в доход государства – 970 миллионов рублей.

КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА СРЕДИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Проводимая в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД культурно-воспитательная работа среди заключенных была направлена на укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда. Трудовым соревнованием в данное время охвачено 95 % работающих заключенных. Число отказчиков от работы по сравнению с 1940 годом сократилось в пять раз и составляет 0,25 % к общему числу работающих. Во многих лагерных подразделениях и колониях совершенно ликвидированы отказы от работы и весь состав заключенных выполняет производственные нормы. На местах с учетом особенностей военного времени широко применяются рекомендованные ГУЛАГом новые формы трудового соревнования – введение стахановских и фронтовых вахт, трудовых салютов, лицевых счетов по выпуску сверхплановой продукции в фонд Главного Командования, а также проведение производственных конференций и слетов отличников производства. Для заключенных, помимо политбесед и регулярных чток газет, систематически организовываются доклады и лекции. В 1941 году проведено докладов и лекций – 10.420; в 1942 году – 27.275; в 1943 году – 32.480. Для участия в этой работе привлечено, помимо культурно-воспитательных работников, свыше 6 тысяч сотрудников лагерей и колоний. Политическая и воспитательная работа способствовала развитию чувства патриотизма среди заключенных, нашего свое выражение в массовой подаче заключенными заявлений об отправке на фронт, сдаче личных ценных вещей, денег и облигаций госзаймов в фонд обороны страны, приобретении за наличный расчет облигаций государственных военных займов. В фонд обороны страны от заключенных поступило: в 1941 году свыше 250 тысяч рублей, в 1942 году свыше 2-х миллионов рублей, в 1943–44 гг. – 25 миллионов рублей. Культурно-массовое обслуживание заключенных проводится в клубах и культурно-досуговых учреждениях, которых имеется в лагерях и колониях свыше 1.500. К активной общественной работе привлечено 77.000 заключенных. Из состава заключенных организовано 2.600 кружков художественной самодеятельности (драматические, музыкальные, хоровые и другие), силами которых за три года поставлено более 100 тыс. спектаклей, концертов и вечеров художественной самодеятельности. За этот же период времени проведено свыше 110 тыс. киносеансов. Для заключенных в лагерях и колониях имеется 950 стационарных и передвижных библиотек с книжным фондом в 400 тыс. экземпляров.

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУЛАГА НКВД СССР

Отечественная война коренным образом изменила существо и содержание производственно-хозяйственной деятельности ГУЛАГа НКВД СССР. Если в мирное время основной продукцией промышленных колоний ГУЛАГа являлись предметы ширпотреба, то с первых же дней войны ГУЛАГ организовал на своих предприятиях выполнение заказов для нужд фронта, перестроив производство всех промышленных колоний на выпуск боеприпасов, спецукупорки, обмундирования для Красной Армии и другой военной продукции.

ПРОИЗВОДСТВО БОЕПРИПАСОВ

За три года войны общий выпуск всех видов боеприпасов предприятиями ГУЛАГа НКВД составил 70.700.000 единиц, или 104 % плана. В том числе: мин М-82 и М-120 – 25,5 млн. штук, ручных гранат и запалов – 35,8 млн. штук, противопехотных мин – 9,2 млн. штук, авиабомб – 100 тыс. штук. В неизменных ценах весь выпуск боеприпасов определяется в 1.250.000.000 рублей.

НКВД СССР занимает второе место в Союзе по выпуску 82-мм и 120-мм осколочно-фугасных мин. Производство боеприпасов ГУЛАГ начал на базе мелких, полукустарного типа, промышленных исправительно-трудовых колоний, выпускавших кровати, скребные изделия, ложки и прочие предметы ширпотреба. В период 1941–1942 гг. на выпуск боеприпасов было переключено 35 промышленных колоний. К производству были приняты: осколочно-фугасные мины “М-50” и ручные гранаты “РГД-33”. Несмотря на ограниченность станкооборудования, отсутствие инструментальной базы, низкую культуру производства и недостаток инженерно-технических кадров, менее, чем за полтора месяца 15 промышленных колоний ГУЛАГа освоили массовое производство “М-50” и “РГД-33” и обеспечили выполнение задания Правительства по выпуску боеприпасов в 1941 году на 138 %, изготовив 770.000 штук мин и гранат. С начала 1942 года предприятия ГУЛАГа начали осваивать новые виды боеприпасов. В течение первого полугодия 1942 года было освоено 17 разных видов боеприпасов и элементов к ним (М-82, М-120, РГ-42, ХАБ-500 и др.), выпуск которых составил за этот период более 4.500.000 единиц. Расширение выпуска боеприпасов потребовало организационной перестройки в руководстве производством оборонной продукции в системе НКВД. Приказом Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР товарища Берия Л. П. от 18 февраля 1942 года в ГУЛАГе был создан специальный Отдел Военной Продукции, на который было возложено организационное и оперативно-техническое руководство всеми предприятиями НКВД СССР, вырабатывающими боеприпасы и спецукупорку. В июне месяце 1942 года, в связи с возросшей потребностью фронта в 82-мм осколочных минах, перед ГУЛАГом была поставлена задача развернуть производство этих мин с доведением месячного выпуска до 1.000.000 штук, т. е. увеличить в 33 раза. В осуществление этой задачи в течение одного месяца было перестроено производство 13-ти предприятий, изготавливавших 50-мм мины и 7 предприятий было привлечено к изготовлению М-82 вновь. Парк станочного технологического оборудования был доведен до 2.200 единиц или увеличен против 1941 года в пять раз. Пополнение недостающего парка оборудования производилось в основном за счет мобилизации внутренних ресурсов НКВД, вывоза некоторого количества станков с предприятий города Ленинграда и использования эвакуированного бесхозного оборудования, что увеличило станочный парк на 1.600 единиц. По фондам, выделенным Правительством, было получено 150 универсальных и специальных операционных

станков. Для обеспечения предприятий собственной литейной базой, построено: 10 литейных цехов, 17 вагранок, 38 отжигательных печей. На всех предприятиях были организованы инструментальные цеха для изготовления необходимых приспособлений, гладких калибров и частично специального режущего инструмента. Проведение указанных мероприятий, а также своевременное обеспечение предприятий материалами и инструментами, создало условия для массового выпуска М-82. Начиная с ноября 1942 года ежемесячный выпуск составлял более одного миллиона 82-мм мин. Общий выпуск боеприпасов за 1942 год составил 15.500.000 единиц, или в 20 раз больше, чем в 1941 году. Наряду с дальнейшим развертыванием уже освоенных видов боеприпасов в июле 1943 года перед ГУЛАГом была поставлена новая задача расширить производство 120-мм осколочно-фугасных мин с ежемесячным выпуском 250.000 штук. Значительное увеличение плана производства 120 мм мин потребовало вновь коренной перестройки действующих промколоний ГУЛАГа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.